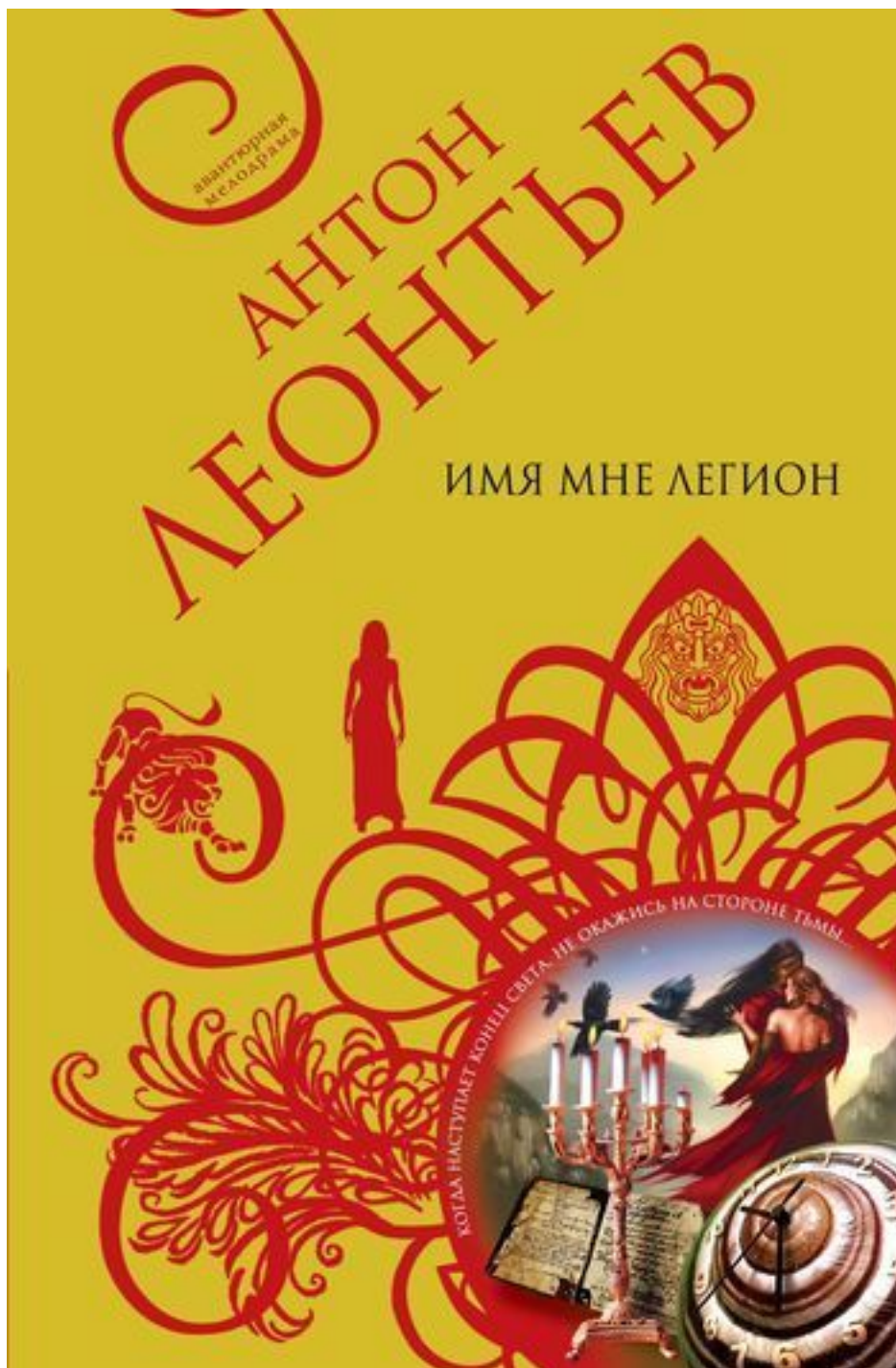

АНТОН
ЛЕОНТЬЕВ

ИМЯ МНЕ ЛЕГИОН

Антон Леонтьев

Имя мне легион

«ЭКСМО»

2011

Леонтьев А. В.

Имя мне легион / А. В. Леонтьев — «Эксмо», 2011

В Лос-Анджелесе казнят профессора-сатаниста, на руках которого кровь многих жертв... В Челябинске школьник-отличник берет в руки отцовское оружие и начинает палить по учителям и одноклассникам... В Германии умирает девушка, якобы одержимая дьяволом... В московском супермаркете милиционер расстреливает покупателей... Какая связь может быть между этими событиями? Маша Котельникова, избежавшая смерти в злополучном магазине, убеждается, что она есть. Она успела заглянуть в глаза убийцы, увидела в них страшную потустороннюю тьму и поняла: подобная метаморфоза происходит неспроста. Но девушку никто не хочет слушать! А кошмар идет за нею по пятам – такая же тьма вдруг появляется в глазах ее бойфренда, и он тоже превращается в монстра-убийцу... Рассказать об этом она не успела: Машу похитили странные люди в черном. Что же происходит? Мир сошел с ума или оказался во власти гения зла?

© Леонтьев А. В., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Лос-Анджелес, Калифорния (США)	5
Тауфкирхен близ Мюнхена,	14
Манила (Филиппины)	18
Москва (Россия)	21
Одиннадцать месяцев спустя...	34
Москва (Россия)	37
Санкт-Петербург (Россия)	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Антон Леонтьев

Имя мне легион

Ибо Иисус сказал ему: выйди, дух нечистый, из сего человека. И спросил его: как тебе имя? И он сказал в ответ: легион мне имя, потому что нас много.

*Евангелие от Марка,
глава 5: 8– 9*

Лос-Анджелес, Калифорния (США)

13 сентября

«Смерть монстру!», «Отправьте в пекло убийцу моей внучки!», «Иди к своему папаше-черту, профессор!» – надписи на плакатах, которые держали многочисленные демонстранты, собравшиеся около забора тюрьмы, были полны ненависти.

Автомобиль медленно двигался и наконец затормозил. Находившийся на заднем сиденье мужчина в облачении католического священника взирал на собравшихся через тонированное стекло.

Внезапно откуда-то сбоку вынырнула женщина с безумным взглядом и всклокоченными седыми волосами. В руках ее был плакат, гласивший: «За все свои преступления ты попадешь в ад!» Это произошло так неожиданно, что священник вздрогнул. Женщина, распевая церковные гимны, принялась стучать по стеклу своим плакатом.

Священник поежился и обернулся. Сидевший за рулем мужчина, адвокат того самого монстра, которого через несколько часов должны были казнить, произнес:

– Святой отец, не пугайтесь! Эти люди, в сущности, безобидны. И, собственно, их можно понять. Будь я на их месте, то тоже бы требовал его казни!

Священник промолчал. Ворота тем временем распахнулись, и автомобиль тронулся с места. Два охранника проверили документы посетителей, сверились со списком, и один из них произнес:

– Добро пожаловать на казнь, джентльмены!

Следуя за адвокатом по коридорам тюрьмы, священник старался не выдать своего волнения. Ему уже доводилось бывать в тюрьме. В качестве посетителя, разумеется! Однако в блоке смертников он находился в первый раз.

Показался сутулый высокий мужчина в плохо сшитом коричневом костюме и темном галстуке. Это был директор тюрьмы. Он перебросился с адвокатом несколькими словами, тепло приветствовал священника:

– Падре Гарсиа, я крайне рад видеть вас! Вам может показаться странным, однако я чувствую ответственность за всех заключенных, которые находятся в данном заведении. Даже за самых страшных и безжалостных из них. Даже за того, с которым вы сейчас встретитесь. И я чрезвычайно рад, что он решил облегчить свою душу исповедью.

Священник опустил голову и отвел в сторону глаза. Если бы директор только знал, зачем он в действительности оказался в тюрьме... И если бы выяснил, что находившийся перед ним человек в облачении католического священника таковым вовсе не является, то, разумеется, ни за что не позволил бы ему увидеться с приговоренным к смерти.

Но директор, конечно же, ничего не подозревал. Он решил составить компанию адвокату и священнику, которые следовали за охранником по блоку смертников.

– Сегодня – первая казнь в газовой камере с марта 1999 года, – вещал директор, в голосе которого сквозила гордость. – Профессор даже тут склонен к эксцентрике – он сам выбрал этот вид казни. Как вам, должно быть, известно, штат Калифорния весьма либерален и предоставляет приговоренному возможность самому выбрать форму собственной экзекуции. Однако все выбирали смертельную инъекцию. Все до профессора! Он такой оригинал!

Директор, кажется, относился к знаменитому узнику подвластной ему тюрьмы если не с симпатией, то, во всяком случае, с восхищением, как подростки относятся к поп-звездам. Священник почувствовал, что волнение нарастает. Неужели тот сейчас предстанет перед ним? И сообщит ему тайну?

– Прошу! – директор галантным жестом предложил адвокату и священнику пройти в камеру. – Как видите, никаких камер для свиданий. Все равно профессору осталось жить всего два с небольшим часа! Профессор, к вам посетители...

Священник перешагнул через порог и оказался в небольшом помещении. Тот, ради кого он и прибыл в тюрьму, восседал на стуле и изучал прессу. Лица осужденного видно не было, его закрывал газетный лист. Заголовок на первой странице «Лос-Анджелес таймс» гласил: «Губернатор отклонил прошение о помиловании. Сегодня вечером будет казнен профессор ЛеРой, глава секты «Дети Сатаны», на счету которой более трех десятков жесточайших убийств». Там же помещалась цветная фотография профессора.

Узник, зашелестев газетой, отложил ее в сторону – и священник лицезрел профессора Жана Мориса ЛеРою, которого СМИ именовали то «порождением тьмы ночной», то «философом-садистом», то «исчадием ада». Священник знал – этот человек был и тем, и другим, и третьим. И, конечно, помнил, как выглядит профессор ЛеРой, однако все равно не сдержался от того, чтобы снова не отметить: осужденный никак не похож на университетского профессора, эксперта по средневековой философии и истории, хотя и является одним из самых известных в мире специалистов по демонологии черной магии.

В облике профессора не было ничего общего с «книжным червем» или кабинетным ученым. Жан Морис ЛеРой имел внешность бодибилдера – громадное, бугрящееся мышцами тело, скрывавшееся сейчас под оранжевым тюремным комбинезоном, и могучие ручки. Единственное, что выбивалось из образа, это неожиданно изящная голова. Профессор был абсолютно лыс, а лицо его украшала стильная смоляная бородка, впрочем, уже начавшая сесть. Осужденный находился в тюрьме уже восьмой год. За истекшее время он сам и его адвокат применили все юридические возможности, чтобы отменить смертный приговор, однако успеха их усилия не возымели. Сегодня профессора должны были казнить.

– Рад вас видеть! – произнес ЛеРой певучим, глубоким голосом с едва заметным французским акцентом.

Он родился в Квебеке, мать его была парижанкой, отец – канадцем. Профессор был полиглотом и владел в совершенстве тринадцатью иностранными языками, в том числе такими, как латынь, греческий и древнееврейский. Кроме того, весьма недурно разбирался как в китайских, так и в древнеегипетских иероглифах.

На священника профессор даже не взглянул. Адвокат проинформировал своего клиента о том, что было и без того вынесено на первую полосу газет и вовсю обсуждалось в Интернете, – губернатор штата Калифорния отклонил прошение о помиловании и замене смертной казни на пожизненное заключение.

– Мне очень жаль, профессор, – закончил свою речь юрист со вздохом.

Жан Морис ЛеРой хмыкнул:

– Отчего ж? Все так страшатся смерти, как будто в ней есть что-то кошмарное. Я же знаю, что ожидает меня: я наконец-то встречу с Хозяином. И буду чрезвычайно рад нашему рандеву!

Произнеся эту фразу, он взглянул на священника. Тот, смутившись, сцепил руки в замок и, не выдержав взгляда убийцы, посмотрел по сторонам. На стенах камеры находились полки, уставленные книгами.

Профессор ЛеРой был гениальным ученым, вероятно, одним из лучших, если не лучшим в своей области. Областью, в которой он специализировался, являлась некромантия, бесовская одержимость и контакты человека с дьяволом. Диссертация, блестяще защищенная им в возрасте двадцати двух лет, вызвала в ученом мире огромный резонанс. А выпущенные в течение последующих лет труды стали хрестоматийными. Находясь в тюрьме, профессор успел написать четыре книги. Последнюю он закончил всего неделю назад.

Все были уверены – именно эта потусторонняя сфера научных интересов профессора и привела в итоге к тому, что он основал секту «Дети Сатаны». На счету сообщества было множество кровавых, немыслимых по своей жестокости и изобретательному садизму убийств. Профессор, работавший тогда в Калифорнийском университете, в Лос-Анджелесе, был для своих студентов неким подобием божества – его лекции пользовались бешеной популярностью. Ходили слухи о том, что некоторые студентки сами набивались ему в любовницы, желая одного: оказаться в постели с прославленным ученым, имевшим сексуальный темперамент плейбоя.

Именно среди студентов профессор и завербовал первых адептов своей секты, которая, как говорило название, почитало сатану. На тот момент, когда Жана Мориса ЛеРою арестовали, секта состояла из тринадцати человек. Причем, что удивительно, десять из них были молодыми женщинами и девицами, и только трое – студентами-мужчинами. Причем все они являлись отпрысками респектабельных и состоятельных семейств. Каким образом профессор умудрился склонить молодых людей к многочисленным убийствам, так и осталось невыясненным. О нравах «Детей Сатаны» говорили разное, но все склонялись к тому, что члены секты находились в некой зависимости от профессора ЛеРою, в коей смешались и интеллектуальный восторг, и сексуальное подчинение, и что-то еще, ужасное и темное, о чем на ставшем сенсационным судебном процессе не распространялись.

Профессору и его подопечным предъявили обвинение в убийстве тридцати двух человек. Глава же секты сознался на суде в пятидесяти семи: оказывается, вместе с «Детями Сатаны» он совершал путешествия в другие штаты, чтобы принести своему «Хозяину» все новые и новые человеческие жертвы.

Секта «Дети Сатаны» давно стала легендарной, и, что самое ужасное, после ареста профессора у нее появилось немало подражателей и имитаторов. Некоторые из них даже совершили несколько кровавых убийств, однако были быстро пойманы. То, что представляла собой секта, ЛеРой изложил в своих книгах, ставших подлинными бестселлерами. Удивительно, но факт: за время пребывания в камере смертников он стал мультимиллионером.

– Падре Гарсиа, я ждал вас! – произнес профессор, рассматривая священника. Затем обратился к адвокату: – Мне осталось жить два часа. Поэтому я хотел бы облегчить душу беседой с этим святым человеком...

В его словах можно было уловить насмешку. Адвокат тактично покинул камеру, оставляя осужденного и священника наедине.

– Да, я ждал вас, падре! – повторил профессор, и в его холеном лице внезапно появилось нечто звериное, а в зеленых глазах мелькнули адские огоньки. – Вы же хотите завладеть ключом к истине, ведь так? Для этого весь маскаррад, я прав?

Священник, который вовсе не был священником, а, как и сам ЛеРой, поклонялся врагу рода человеческого, запинаясь, пробормотал:

– Мне поручено...

– Я прекрасно знаю, что вам поручено, падре! – выделив голосом обращение, произнес профессор и поднялся со стула.

Ростом он был под два метра. И в былые времена Жан Морис ЛеРой уделял большое внимание своему телу, а попав в тюрьму, стал подлинным фанатом спорта.

– Кстати, а что стало с настоящим падре Гарсиа? – спросил профессор, подходя к посетителю.

Тот замялся. Осужденный жестоко улыбнулся, показав идеальные белые зубы, сейчас почему-то напомнившие звериные клыки. И притворно вздохнул:

– Понимаю. Бедный падре... Упокой Господь его грешную душу!

Псевдосвященник в беспокойстве обернулся, бросив взгляд на дверь.

– Не волнуйтесь, нас не подслушивают, – качнул головой профессор. – Думают, что я решил исповедоваться! Поэтому директор, этот идиот, и разрешил, чтобы меня посетил католический священник.

– Вы должны сказать! – прошептал посетитель, на что профессор возразил:

– Я ничего никому не должен! Ничего и никому! Кроме него, Хозяина. Но меньше чем через два часа я встречу с ним лицом к лицу, и, думаю, он окажет мне радушный прием.

ЛеРой уселся на стул, снова взял в руки газету и сделал вид, что погрузился в изучение последних новостей. Священник опустил на другой стул и вкрадчиво спросил:

– Неужели вы, профессор, в самом деле видели... видели Хозяина?

– В моих бестселлерах я более чем подробно описал мои встречи с ним! – ответил осужденный из-за газеты.

Священник продолжал настаивать:

– Я не верю, что вы уйдете из мира, так и не открыв тайну того... того, как вам удалось... Вы видели Хозяина, вы смогли коммуницировать с ним! Более того, вы приняли его причастие и стали его сыном!

– Этого в моих бестселлерах не было, – произнес профессор, отбрасывая газету.

– Вот видите, нам многое известно! – заявил в волнении посетитель. – Потому что мы хотим того же, что и вы, профессор! Того же, чего хочет и сам Хозяин! А вы не можете противиться его воле!

– Не исключая, что вам что-то известно, – усмехнулся профессор. – Однако далеко не все! Иначе бы вы не явились ко мне за два часа до казни, напялив идиотский наряд католического священника, падре Гарсиа, которого прикончили. Ведь именно он должен был сейчас сидеть на вашем месте!

Посетитель заерзал на стуле.

– Не так громко, прошу вас! Что, если нас все же подслушивают?

– Значит, вас тоже приговорят к смертной казни! – Профессор оглушительно расхохотался. А насмеявшись вдоволь, обронил: – Значит, вы хотите узнать...

– Да, профессор! – воскликнул живо посетитель. – Хотя вы и откололись от нашего братства, но вы все еще являетесь его членом. Мы выполнили все, что вы требовали!

Он указал на газету.

Жан Морис ЛеРой скривил тонкие губы:

– Да, я читал. Жуткая смерть жительницы Лас-Вегаса – кто-то обезглавил несчастную и содрал с нее кожу. С каким бы наслаждением я сам сделал это с ней! – Профессор жутко улыбнулся. Затем добавил: – Мне нужны детали.

Падре заколебался.

– Нет деталей – нет и секрета! – объявил ЛеРой. – Ведь вам и вашему магистру нужен мой секрет. Вы хотите узнать, как можно вступить в контакт с Хозяином. Потому что ни вы, ни вам подобные до сих пор не могут услышать его голос. Все, чем вы руководствуетесь, – всего лишь знаки. Да, знаки знаков... знаки знаков знаков!

Дрожащим голосом священник принялся излагать детали убийства. Профессор, прикрыв глаза, наслаждался его словами. А когда рассказ был завершен, произнес:

– Перед смертью она как следует помучилась. Как хорошо!

– Профессор, теперь дело за вами, – нетерпеливо напомнил посетитель. – Мы выполнили наше обещание, выполняйте же и вы свое!

Профессор усмехнулся:

– Вам не терпится узнать секрет? Ведь только мне удалось невозможное – я говорил с Хозяином. Более того, стал его сыном. И он вошел в меня!

Священник в волнении подскочил со стула:

– Хозяин вошел в вас? Но как же так... Вы производите впечатление вполне адекватного человека...

– Благодарю за комплимент, падре! – снова усмехнулся профессор. – А присяжные имели на сей счет иное мнение. Еще бы, ведь я монстр, упырь, сатана в человеческом обличье! Все это, конечно же, траченные молью сравнения и дрянные журналистские метафоры. Но кто знает, может, кое-что не так далеко от истины.

Посетитель в сомнении заявил:

– Нет, нет, профессор, вы преувеличиваете! Так и быть, допускаю, что вы смогли общаться с Хозяином и он мог назвать вас своим сыном. Однако он никак не мог войти в вас! Тогда бы вы стали одержимым, что вовсе не так.

– А что, если мне удалось принять в себя частицу огня Хозяина и стать одержимым, оставаясь все же человеком? – ухмыльнулся Жан Морис ЛеРой.

– Исключено, полностью исключено! – ответил резко посетитель. – Невозможно! И вам ли не знать, профессор, вы же сами об этом писали во многих своих статьях.

– Значит, вы не верите? – спросил, прищурившись, профессор. – То, что я писал, было для профанов, дуралеев и бездарей. Им совсем не требуется знать истину, она им попросту не нужна. Истиной могут распоряжаться только те, кто к ней готов. А таких немного, очень и очень немного...

Священник поднялся со стула.

– Профессор, когда-то я восхищался вами, но понял, что вы – обыкновенный мошенник. Я так доложу магистру! Ваши намеки – не более чем фантазии больного человека. Мне пора!

Он направился к двери и вдруг услышал позади себя страшный, низкий голос, так непохожий на приятный баритон профессора:

– Ты закопал ее в лесу...

Посетитель, чувствуя, что его сердце пронзила ледяная стрела страха, обернулся. Жан Морис ЛеРой сидел на стуле, но в странной позе: его тело обмякло, голова упала на грудь. Казалось, он дремал.

– Что вы сказали? – прошептал священник, вжимаясь спиной в дверь.

Голова профессора внезапно откинулась назад, причем с такой силой, что послышался треск позвонков. На лице приговоренного к смерти заиграла ужасная улыбка. А глаза... глаза, казалось, заволокло чем-то черным – не было видно ни зрачков, ни белков.

– Ты закопал свою сестру в лесу... Все подумали, что она сбежала с дружкой... а на самом деле ты ее убил... потому что не хотел ни с кем делить... Ты придушил ее... Ее же дружка ты прирезал, расчленил, мясо сбросил в реку, а кости зарыл на свалке...

На губах профессора играла все та же улыбка, они не двигались. Утробный, гудящий голос – в речи не было ни малейшего намека на французский акцент – шел откуда-то из глубин тела.

Священник вдруг почувствовал, что ноги его дрожат. Обливаясь потом, он съехал по стене на пол и зарыдал.

– Падре, неужели я до такой степени разжалобил вас своей исповедью? – раздался знакомый голос профессора.

Посетитель поднял заплаканные глаза – странная ухмылка исчезла с лица ЛеРоя, глаза вновь сделались нормальными.

– Господи, это ведь вы, Хозяин? – произнес в благоговении священник.

– Разве ваш хозяин – Господь? – заметил профессор учтиво. – Если же вы, падре, хотите узнать, беседовал ли с вами только что наш общий Хозяин, то должен сказать: предположение соответствует истине. К сожалению, не могу знать, что именно он сказал вам, потому что в такие моменты я не контролирую свое сознание. Его контролирует он!

Священник, неуклюже поднявшись, с опаской приблизился к профессору.

– Падре, у вас есть платок? А то вы выглядите не самым презентабельным образом! – глумливо ухмыльнулся профессор. – Итак, убедились в том, что можно быть одержимым и в то же время не выказывать признаков одержимости?

– Но как вам это удалось? – приводя себя в порядок, спросил посетитель. – Просто невероятно! Ни в одной старинной рукописи нет о подобном ни слова...

– Вы плохо читали старинные рукописи, – прервал его ЛеРой. – Зато я, лучший в мире специалист по одержимости и демонологии, читал их все! В одной из них содержится краткое упоминание, которое я взял за основу нового ритуала. И он увенчался успехом!

– Но отчего же Хозяин не уберег вас? – удивился священник. – Почему вы попались?

– Не моя вина, – вздохнул профессор. – Хозяин не может все предусмотреть. Как, впрочем, и Господь. Эта тупая корова везла труп в багажнике!

Конец «Детей Сатаны» начался с того, что одна из ярых адептов банально превысила скорость и была задержана. Полицейскому бросилось в глаза, что заднее сиденье автомобиля залито кровью, и он произвел обыск, обнаружив в багажнике расчлененное тело последней жертвы, беременной женщины. Именно та адептка и стала главной свидетельницей обвинения на грандиозном процессе. Ее включили в программу по защите свидетелей, и именно она была жесточайше убита в Лас-Вегасе, где жила под чужим именем, за день до сегодняшней встречи смертника и псевдосвященника. Таково было желание ЛеРоя – в обмен на свой секрет он потребовал уничтожить предательницу. Причем уничтожить в полном соответствии с его садистскими наклонностями.

– Однако я не боюсь смерти! – продолжил профессор. – А вы, падре, боитесь?

Священник облизал пересохшие губы.

– Вы не можете умереть, так и не поделившись секретом! Мы должны знать! Потому что мы продолжим ваше дело, доведем до конца то, что вы начали. Хозяину должен принадлежать весь мир!

Профессор хмыкнул.

– Что ж, не буду больше вас мучить, падре. Ведь у меня имеется договоренность с вашим магистром! Все мои записи находятся в банке, запомните координаты... Ключ от банковской ячейки находится у моего адвоката. После экзекуции он отдаст вам его.

Послышался скрежет, дверь в камеру распахнулась. Появился директор, который сообщил:

– Падре, профессор, вынужден сказать, что время истекло.

Священник, неловко поднявшись со стула, благословил профессора, сопроводив жест словами:

– Сын мой, твои последние слова вселяют в меня надежду на то, что тебя ожидает милость со стороны нашего Хозяина!

– Что, профессор, облегчили душу исповедью? – спросил директор. – Вы ведь знаете, что сейчас последует...

Священник вышел из камеры, повторяя про себя банковские данные, продиктованные профессором. Вместе с адвокатом он проследовал в зал для экзекуций, который был заполнен

примерно наполовину. Среди гостей находились прокурор штата, родственники жертв, а также представители общественности. Все они ждали одного – казни Жана Мориса ЛеРоя.

– Нет, решительно не могу понять, почему профессор выбрал смерть в газовой камере! – пробормотал себе под нос адвокат. – Я рекомендовал ему смертельную инъекцию, однако он и слушать меня не пожелал...

К нему подошел прокурор и завел светский разговор. Священник занял место в последнем ряду. Его взгляд был прикован к занавескам цвета хаки, которые закрывали прозрачную перегородку из бронированного стекла, отделявшую небольшой зал, где находились зрители, от газовой камеры.

Постепенно помещение заполнилось, напряжение возрастало. Священник, не отводя глаз, смотрел на циферблат больших настенных часов. Наконец секундная стрелка достигла двенадцати, вслед за ней потянулась и минутная, а затем с легким щелчком перескочила и часовая, остановившись на цифре «шесть».

Было шесть часов вечера. Последним в зал вошел директор тюрьмы. Он опустился на стул и кивнул одному из охранников. Тот нажал на кнопку, и занавески, как в кинотеатре, отъехали в сторону, открывая взгляду зрителей нутро газовой камеры.

Она была небольшая, восьмиугольная. В центре, в особом кресле, находился профессор Жан Морис ЛеРой. Его шея, обе руки и ноги были охвачены стальными скобами, прочно приковавшими осужденного к креслу, привинченному к полу. Приговоренный к смертной казни не выглядел ни расстроенным, ни взволнованным. На его губах играла тонкая циничная улыбка.

Директор тюрьмы скороговоркой произнес все то, что ему нужно было произнести, ставя общественность в известность, что сейчас будет приведен в исполнение смертный приговор в отношении Жана Мориса ЛеРоя.

– Я считаю, что любой из смертников, вне зависимости от тяжести совершенных им преступлений, имеет право на последнее слово! – сказал напоследок директор и снова кивнул охраннику. Тот повернул рычажок, и директор продолжил: – Профессор, у вас есть шестьдесят секунд, чтобы до нашего сведения свои последние слова, если, конечно же, у вас есть что сказать. Учтите, это последняя минута вашей жизни! Если нет, то, с вашего позволения, мы приступим...

Послышался несколько глуховатый голос профессора:

– Отчего же, директор, я воспользуюсь предоставленной возможностью! Не буду вещать о том, что я сожалею о содеянном. Даже если я это и скажу, родственники жертв все равно мне не поверят. Да я и не сожалею!

По залу прокатился ропот. Директор жестом призвал всех к молчанию.

– Все задаются вопросом, отчего я настоял на том, чтобы меня казнили в газовой камере. Ведь, по общему мнению, такая смерть намного более мучительная, чем экзекуция посредством смертельной инъекции, но я не боюсь боли. Я люблю боль. В особенности если речь идет о том, чтобы причинить боль другим! Что же до моего выбора... Известно ли вам, леди и джентльмены, что смерть посредством удушения газом практиковалась не только нацистами в концлагерях, но и намного раньше, в средневековой Европе и античной Азии? Тогда использовали не цианид, как произойдет через несколько мгновений, а серу. А сера – любимое амбре моего Хозяина. Этим и объясняется мой выбор. Хозяин, я иду к тебе! Я знаю, что ты меня ждешь!

Директор нервно махнул рукой, и охранник отключил громкоговоритель.

– Осужденный сказал то, что считал нужным сказать. А теперь прошу приступить!

Пару секунд спустя в открытую емкость, находившуюся за креслом, в котором восседал профессор, из металлической трубы выпали спрессованные кубики цианистого калия. В емкости плескалась серная кислота. Немедленно возникла химическая реакция, и свидетели могли

видеть, как камера стала заполняться белесым дымом, цианистым водородом. Священник, не отрываясь, следил за происходящим.

Профессор ЛеРой не торопился вдыхать смертельный газ, понимая, что всего один вдох приведет к тому, что он потеряет сознание, а затем скончается. Этим-то и объяснялось то, что казнь в газовой камере уже давно не практиковалась: осужденные во многих случаях старались задержать дыхание, в результате чего исполнение приговора затягивалось на долгие минуты, а сами смертники, старавшиеся не дышать или дышать поверхностно, испытывали перед кончиной страшные мучения.

Клубы белесого дыма тем временем полностью заполнили газовую камеру. Однако профессор все еще был жив! Внезапно произошло совершенно неожиданное – Жан Морис ЛеРой выгнулся, и зрители в ужасе заметили, как стальные скобы на левой ноге и правой руке отлетели в сторону.

Директор вскочил с места и бросился к охранникам. По залу пронесся ропот, а вслед за тем и крики ужаса – освободившейся рукой профессор отодрал скобы с другой ноги и руки.

– Сделайте же что-нибудь! – вопил смертельно побледневший прокурор. – Почему он не умирает?

Священник, в восхищении наблюдавший за всеобщей паникой, знал, что профессор не терял времени даром: втайне от охранников он в течение последних восьми лет ежедневно тренировал легкие и достиг поразительных результатов. Он мог задерживать дыхание почти на десять минут!

Профессор ЛеРой сорвал с горла стальную скобу и рывком поднялся из кресла. Это было кошмарное, незабываемое зрелище: двухметровый монстр в оранжевом комбинезоне, с налившим кровью лицом и ужасной улыбкой, стоял в дыму и смотрел в зал через стекло. Священник заметил, что глаза профессора опять заволочло черным. Неужели сила Хозяина, дремавшая в нем, снова пробудилась?

Подойдя к перегородке из бронированного стекла, профессор с невероятной силой ударил по ней кулаком. Свидетели, несколько женщин и мужчин, в ужасе закричали. Зрители, устроив давку в дверях, начали покидать зал.

Жан Морис ЛеРой продолжал молотить по бронированному стеклу, причем с таким остервенением, что поверхность оказалась забрызгана кровью – его собственной.

– Повода для беспокойства нет! – уверял всех растерянный директор, который, похоже, не знал, что делать. – Стекло не пробить даже очередь из автомата!

Но, похоже, профессор желал совершить невозможное и всерьез намеревался расколотить стекло голыми руками.

– Утихомирьте осужденного! – визжал прокурор. – Пристрелите его!

– Как прикажете это сделать? – вопил в ответ директор тюрьмы. – Через бронированное стекло? Камера наглухо закупорена, ему не выбраться! Но и своих людей я туда не могу отправить, там же все заполнено цианистым водородом!

Единственным, кто не поддался общей панике, был священник. Улыбаясь, он наблюдал за чудом, которое демонстрировал Хозяин, понимая, что тот устроил такое вот прощальное шоу только для того, чтобы показать свою мощь.

Удары по стеклу постепенно затихали. Общими усилиями работников тюрьмы удалось положить конец панике. Газовая камера была заполнена густым белым дымом. Наконец кулак профессора последний раз ударил по бронированному стеклу, а затем его тело исчезло в клубах дыма.

– Все! – объявил дрожащим голосом директор. – Леди и джентльмены, он потерял сознание. Или, вполне вероятно, уже умер. Никто не в состоянии продержаться так долго! Даже Жан Морис ЛеРой!

Зрители стали возвращаться на свои места. Некоторые из них судорожно рыдали. Прокурор с трясущимся лицом замер в углу. Стекло со стороны газовой камеры было залито кровью. Священник взглянул на часы. Они показывали тринадцать минут седьмого...

Внезапно из клубов дыма снова вынырнула рука профессора. И женщины, и мужчины завизжали, а один из охранников упал в обморок. Кисть легко ударила о забрызганное кровью стекло, и указательный палец принялся выводить какие-то буквы и цифры.

– Этот монстр никогда не умрет! – завопило несколько голосов. – Он – дьявол, сам дьявол, принявший человеческое обличье!

Директор пытался утихомирить бившихся в истерике людей, но ему не удалось. Бедняга уже понимал, что ужасный инцидент во время казни профессора ЛеРоя будет стоять ему кресла.

Дописав последнюю закорючку, рука в последний раз ударила по кровавой поверхности, а затем исчезла. Все ждали, что она снова возникнет из клубов дыма, что, возможно, появится и сам профессор, но более ничего не произошло. Священник же знал: Жан Морис ЛеРой умер. Однако перед тем, как отправиться к Хозяину, он оставил послание. Послание, которое предназначалось им, его сподвижникам.

Перед тем как покинуть зал, священник приблизился к перегородке из бронированного стекла и рассмотрел его. Это была странная формула: «L VIII-30».

– Падре, что за кошмарная казнь! – произнес адвокат профессора. – Сейчас бы неплохо немного виски... Кстати, директор приглашает нас к себе в кабинет.

Священник отправился вслед за ним в кабинет директора тюрьмы. Тот трясущейся рукой налил в бокал виски и протянул его лжеисповеднику. Взгляд того упал на корешок Библии, стоявшей в шкафу.

– Вы разрешите? – ставя на стол бокал, произнес падре и снял Библию с полки. Буква L – это наверняка Евангелие от Луки. Римская цифра – номер главы, арабская – номер стиха. Так и есть! Священник знал: это был знак. Нет, не профессора – Хозяина!

– Падре, вы нашли что-то интересное? – спросил адвокат, вливая в себя порцию виски. – Господи, никак не могу поверить, что он мертв! Сегодняшний кошмар меня теперь до гробовой доски преследовать будет.

Священник же, поставив Библию на место, вернулся к столу, взял бокал с виски и прошептал:

– Пусть профессор ЛеРой покоится с миром!

Искомый стих в Евангелии от Луки гласил: «Иисус спросил его: как тебе имя? Он сказал легион, – потому что много бесов вошло в него».

Тауфкирхен близ Мюнхена, Бавария (Германия) 4 октября

Фрау Росвита Шрайл спрыгнула с велосипеда и подкатила его к воротам кладбища. Погода стояла прелестная – бабье лето.

Фрау Шрайл, оставив велосипед, прошла на территорию кладбища. И сразу увидела компанию кумушек, стоявших с лейками около самого входа и о чем-то оживленно болтавших. Среди сплетниц фрау Шрайл разглядела и свою старшую сестру Эрику.

С Эрикой она общалась сквозь зубы. И как могло получиться, что их родители произвели на свет двух таких совершенно разных дочерей? Фрау Шрайл считала себя намного красивее, умнее и удачливее Эрики. Та же, конечно, придерживалась совершенно иного мнения, считая, что сама является красивой, умной и удачливой. Эрика всегда ссылалась на то, что ее муж – инженер, проработал много лет в крупной автомобильной компании. А вот ее сестрица Росвита выходила замуж целых три раза и ни с одним своим супругом счастлива не была.

Фрау Шрайл отчего-то не сомневалась, что Эрика и ее товарки перемывали сейчас косточки именно ей. В былые времена она просто бы их проигнорировала, однако на этот раз фрау Шрайл решила действовать иначе.

Гордо подняв голову, она подошла к кумушкам и намеренно громко поздоровалась с сестрой, а также со всеми остальными:

– Доброе утро, Эрика! Доброе утро, милочки! Что, с утра пораньше уже на кладбище?

Эрика, поджав губы, процедила:

– Росвита, милочка, как же я рада тебя видеть! Конечно, кто раньше встает, тому бог подает!

Ее подружки подобострастно рассмеялись. Фрау Шрайл подхватила лейку и отправилась к могиле отца. Эрика никогда не навещала могилу отца и не считала нужным ухаживать за ней. И все потому, что, по слухам, настоящим ее отцом был иной человек, владелец скобяного магазина, с которым у матушки давным-давно был мимолетный роман.

Это-то и было истинной причиной сестринской вражды. Отец обожал свою младшенькую, Росвиту, души в ней не чаял, баловал без меры, покупал подарки почти каждый день. А вот старшую, Эрику, не любил. Нет, он не обижал ее, руку на нее никогда не поднимал, однако давал почувствовать, что своей дочерью не считает.

Поэтому после его смерти Эрика принялась ухаживать за могилой мамочки, а Росвита – за могилой отца. И, что ужаснее всего, Эрика время от времени, считая, что никто об этом не знает, навещала могилу хозяина скобяной лавки. И даже оставляла там букетик цветов!

Фрау Шрайл приказала себе забыть о сестре и ее идиотских подружках. Только и знают, что сплетничать, болтают о том, кто кому и с кем в их деревне изменяет... Эти особы обо всем в курсе! Старые переносицы, вот кто они!

Вывернув из-за поворота, фрау Шрайл увидела большую кучу свежей земли. Неужели готовят могилу к чьему-то погребению? Только отчего в старой части кладбища? Обычно сейчас хоронят не здесь, а у входа!

Присмотревшись повнимательнее, фрау Шрайл вдруг с ужасом поняла, чья могила разрыта. И сразу же инстинктивно перекрестилась. Тут лежала Марилена Габриель – та самая, одержимая дьяволом, как звали ее в деревне. Да и не только в деревне.

Тогда, больше тридцати лет назад, фрау Шрайл жила не в деревне, а вместе со своим вторым супругом в Аугсбурге. Однако об этой истории и в газетах писали, и по телевизору показывали. Причем не только в Германии, но и за границей. И Эрика, зная все подроб-

ности лучше любого репортера, потом ей обо всем рассказала. В те времена сестры еще худобно общались...

Марилену Габриель фрау Шрайл помнила плохо, хотя семейство Габриель жило недалеко от дома ее родителей. Марилена была нескладная, чахлая рыжеволосая девица, с лошадиными зубами и в очках с толстенными стеклами. Еще в детстве у нее случались какие-то странные припадки, и ни один врач не мог толком сказать, чем именно девчушка страдает.

А чем старше она становилась, тем более серьезный оборот принимали события. В один прекрасный день у Марилены случился ужасный припадок, причем не где-нибудь, а прямо в церкви, на воскресной мессе – она кинулась на священника, вцепилась ему когтистыми руками в лицо и попыталась выцарапать бедолаге глаза! Вот ведь кошмар-то!

И пошло-поехало... Марилену положили в больницу, сначала в обычную, а потом даже в психиатрическую. Но лечение не помогало, и родители забрали ее домой. По деревне поползли удивительные, страшные слухи. Говорили, что в Марилену вселился бес, и даже не один. И что родители держат ее в подвале на цепи. Что девица, хоть практически ничем не питается, обладает чудовищной силой. Что поносит имя Господа, рычит, изрыгает ужасные проклятия. И что из ее чрева вещают чужие голоса – посланцы ада...

Эрика клялась и божилась, что однажды вечером совершенно случайно (ну конечно же, могло ли быть иначе!) оказалась около дома семейства Габриель. Мол, принесла им в подарок баночку земляничного варенья. Но так как никто на ее звонок не открывал, она обошла дом и оказалась в саду. А там стояло открытым окно подвала – все же лето было. И Эрика видела и слышала такое!

Об этом сестрица и тридцать с лишком лет спустя рассказывала с огромным удовольствием. Как будто слышала она кошмарные, нечеловеческие крики, даже не крики, а рычание, больше похожее на львиное или тигриное. И видела в приоткрытое окно не кого-нибудь, а самого епископа в парадном облачении – тот с трясущимся лицом вышел из комнаты, в которой родители держали Марилену, и сказал, что у девушки, вне всяких сомнений, бесовская одержимость, а значит, требуется призвать сведущего человека, экзорциста, специализирующегося на изгнании демонов.

И, как уверяла все та же вездесущая Эрика, следующей ночью прикатил в их деревню черный автомобиль, из которого выбрался невысокий человек в сутане и старомодной шляпе. Говорят, прислали его напрямую из Ватикана, куда епископ доложил о кошмарных событиях в баварской деревушке.

По ночам из проклятого дома раздавались ужасные голоса, крики, песнопения, молитвы. Все в деревне знали, что именно там происходит – экзорцист пытается изгнать из грешного тела Марилены бесов!

Наконец о происходящем пронюхало и телевидение. Сколько же репортеров понаехало! Волей-неволей пришлось и полиции подключиться, потому что кто-то распространил слух, будто родители бьют свою одержимую дочку, ничем практически ее не кормят, издеваются над несчастной.

Деревенский полицейский, побывавший в доме родителей Марилены, выбежал оттуда с перекошенным, бледным лицом. И заявил, что ничего криминального и противозаконного он не обнаружил. Беднягу потом мучили кошмары, а спустя всего два месяца он повесился на чердаке.

Все тотчас приписали его самоубийство воздействию бесов, которые, оказывается, могли оказывать тлетворное влияние не только на Марилену, но и на всех, кто вступает с ней в контакт. И в деревне заговорили о том, что надо бы избавиться от этой ведьмы. Мол, если она по-прежнему будет здесь жить, бесы захватят власть над всей деревней.

Находились и трезвомыслящие люди, уверявшие, что сейчас, в конце семидесятых годов двадцатого столетия, просто смешно, глупо и даже очень стыдно верить в подобную чушь.

Что если Марилена Габриель чем-то и страдает, то тяжелым психическим расстройством, по причине которого она вообразила, что одержима бесами. Девушка ведь раньше была крайне экзальтированной, постоянно ходила в церковь, увлекалась мистикой. И крайне безответственно, твердили такие люди, оставлять Марилену на попечении дремучих родителей и половумного экзорциста.

Однако подавляющее большинство жителей не сомневалось в том, что девчонкой овладела посланцы ада. Та же Эрика заявляла, что видела ночью над крышей дома родителей Марилены огненные фигуры – не то человечьи, не то животных. А скорее всего – демонические. Они вроде как вылетали из трубы и кружили над домом хороводом.

Фрау Шрайл знала, что Эрика – большая выдумщица. А если пропустит бокальчик-другой шнапса (что сестра делала регулярно), то ей могло померещиться и не такое. Тем не менее находились дуралеи, которые верили рассказам Эрики.

Однажды произошло невероятное – Марилена сумела сбежать из подвала родительского дома! Случилось это посреди бела дня. Девица, абсолютно нагая, ворвалась в магазинчик, взгромодилась на прилавок и принялась прилюдно испражняться. Выглядела Марилена и раньше-то не особо привлекательно, просто ужасно, как персонаж фильма ужасов. Рыжие волосы практически полностью поседели и частично вылезли, глаза огромные, навывкате, а под ними не то что черные круги, а прямо корки застарелых болячек. Губы коричневые, потрескавшиеся, тело же покрыто то ли порезами, то ли невесть чьими укусами.

Те, кто был тогда в магазинчике, клялись потом и божились, что внезапно Марилена изогнулась, причем так, как ни один человек, ни один акробат просто не в состоянии. И впалый живот девицы вдруг на глазах начал надуваться, как будто кто-то накачивал в него воздух. И до такой степени надулся, что, казалось, вот-вот лопнет. А Марилена страшным голосом – не мужским и не женским, а утробным, звериным – вопила, что сейчас родит ребеночка, сына дьявола, которого она зачала в аду с рогаатым.

Хорошо, что подросли родители вместе со священником, проводившим обряд изгнания бесов. Они с большим трудом, завернув Марилену в одеяло, уволокли ее обратно в дом.

А в магазинчик никто больше ходить не пожелал. Совсем скоро он вдруг по неизвестной причине сгорел, хозяин застрелился, а хозяйка заболела каким-то страшным видом рака и скончалась в мучениях – даже врачи в Мюнхене оказались бессильны!

Но все это имело место позднее, несколько месяцев спустя, тогда же нашлись жители деревушки, которые решили: бесам нечего делать среди них! И повалила толпа, вооруженная кухонными ножами, вилами и лопатами, к дому родителей Марилены. Некоторые призывали взять бесовскую крепость штурмом, выволочь Марилену в сад и заживо сжечь, как раньше сжигали ведьм. Наверное, так бы и поступили, потому что страсти были накалены до предела, однако на пороге дома появился тот самый священник из Ватикана. И объявил, что раба божья Марилена скончалась.

Но если бы история на этом и закончилась! Так нет: о том, что жители деревушки обещали и были готовы растерзать несчастную, якобы одержимую бесами, разрезавшими сначала местные газеты, а потом о происшествии узнали и крупные издания, и телевизионщики. И снова сюда понаехали репортеры.

Марилену как раз хоронили на местном кладбище. Кое-кто пытался этому противиться, заявляя, что нечего телу грешницы лежать на освященной земле, однако прибывший епископ во всеуслышанье заявил, что Марилена никакая не грешница, что ритуал изгнания бесов увенчался успехом и демоны отправились обратно в ад.

Газеты и телевидение, конечно же, подняли вселенский хай. Еще бы, ритуал изгнания бесов, да еще со смертельным исходом, и все это – в конце двадцатого века! Произшедшим заинтересовалась прокуратура, похороны были отменены, а тело несчастной Марилены отправлено на судебно-медицинскую экспертизу.

А потом арестовали родителей Марилены, следом ватиканского экзорциста, а чуть спустя – и самого епископа. Обвинили их в том, что они замучили несчастную, больную Марилену до смерти. И вместо того, чтобы вверить ее заботам врачей-психиатров, подвергли девушку истязаниям и уморили голодом.

Процесс закончился тем, что родителей приговорили к условному сроку, ватиканского священника и епископа – к большим денежным штрафам. Для многих они были подлинными героями, а для других – убийцами несчастной, страдавшей психическим заболеванием девушки.

Фрау Шрайл приблизилась к краю разрытой могилы. Так и есть, здесь была похоронена Марилена. Неужели кто-то из ее родителей, которым сейчас далеко за восемьдесят, отдал богу душу? Они по-прежнему, совершенно обособленно и практически ни с кем не общаясь, жили в том самом доме, в котором когда-то и имела место процедура изгнания бесов.

Но если так, то почему в газете не было некролога? Да и Эрика, самая главная деревенская сплетница, непременно об этом знала бы и не преминула бы при встрече затронуть тему.

Что-то показалось фрау Шрайл подозрительным. Ах да, каменный крест, украшавший раньше могилу бедной девицы, валялся в стороне. И был расколот! Кладбищенские рабочие ни за что бы не позволили себе так небрежно обращаться с надгробным памятником...

Предчувствуя нечто ужасное, фрау Шрайл осторожно подошла к краю могилы и глянула вниз. Она увидела старый, но отлично сохранившийся гроб. Крышка была распахнута. На серобелой материи, которой гроб был обит изнутри, покоилась Марилена Габриель. Вернее, то, что осталось тридцать с лишним лет спустя после ее кончины – высохшая, покрытая пергаментной восковой кожей мумия. И эта мумия...

Фрау Шрайл ойкнула, неловко отпрянула назад, едва не упав, и перекрестилась.

Покойница не лежала в гробу, а сидела. Как будто... как будто хотела выбраться из своего подземного пристанища! И, что ужаснее всего, у несчастной отсутствовала голова! Тот, кто прошедшей ночью разрыл могилу одержимой дьяволом, украл ее череп!

Чувствуя, что ее колотит, фрау Шрайл отбросила лейку и побежала к выходу. Кумушки, все еще обсуждавшие последние сплетни и не догадывавшиеся, что упустили такую сенсацию, с удивлением воззрились на нее. Эрика крикнула что-то сестре, но та и не подумала остановиться.

Прочь, прочь с этого проклятого места! Потому что фрау Шрайл не сомневалась: демоны, некогда вселившиеся в Марилену Габриель, снова вырвались на свободу!

Манила (Филиппины)

10 декабря

Главный врач клиники, откинувшись на спинку кожаного кресла, взглянул на сидевшего перед ним молодого мужчину с невыразительным лицом.

– Вы требуете от меня невозможного! – заявил, негодуя, доктор. – Более того, это не только идет вразрез с медицинской этикой и клятвой Гиппократов, которую я давал, но и является уголовно наказуемым преступлением! Я не могу пойти на такое!

Посетитель, облаченный в дорогой костюм, с платиновым «Ролексом» на запястье, внимательно выслушал гневную тираду медика. Когда монолог подошел к концу, он положил на полированную поверхность стола вместительный кейс из крокодиловой кожи, который принес с собой.

– Взгляните сюда, профессор! – произнес мужчина по-испански с сильным акцентом. – Уверен, что это несколько облегчит ваши моральные мучения и позволит принять верное решение.

Он раскрыл кейс и развернул его в сторону главного врача. Тот заметил пачки уложенных в ряд банкнот.

– Сразу же удовлетворю ваше любопытство, профессор: здесь ровно миллион американских долларов. Я знаю, что вы далеко не самый бедный человек, однако даже вы не сможете отказаться от столь щедрого предложения. Этот миллион принадлежит вам, и только вам! Но в обмен вы должны позволить нам забрать мальчишку с собой.

Профессор, слишком долго смотревший на пачки денег, встрепенулся, резким жестом закрыл кейс и отодвинул его от себя.

– То, что вы мне предлагаете, неслыханно! – воскликнул он. – Вы хотите, чтобы я продал вам одного из своих пациентов и оформил на него фиктивное свидетельство о смерти? Хм, я мог бы понять, если бы кто-то пожелал заполучить покойника. Но продать живого пациента, к тому же тринадцатилетнего подростка...

Главный врач задохнулся от возмущения. Посетитель вздохнул и произнес:

– Профессор, миллион долларов – более чем солидная сумма, которая позволит вам проигнорировать укоры совести. Я же знаю, вы любите наведываться в казино, где регулярно проигрываете крупные, очень крупные суммы. У вас большие долги. Ваша жена завела молодого любовника и грозит подать на развод, а если она так сделает, вам придется делиться с ней своим состоянием. Дабы задобрить ее, вы позволяете своей супруге покупать дизайнерские наряды и драгоценности по вашей кредитной карточке. Ваш старший сын – наркоман, что вы тщательно скрываете от общественности. Ваш младший сын замешан в сомнительную историю с проститутками-трансвеститами. Чтобы история не стала публичной, вы заплатили большую сумму одному полицейскому чину. Ваша дочка, которая пошла по стопам отца и стала медиком, подделала свою диссертацию, и вам стоило огромных трудов утаить столь некрасивый факт от общественности. И, опять же, больших денег. Так что миллион вам не помешает. Так и быть, мы готовы добавить еще сто тысяч. Но это – последнее предложение, профессор!

Главный врач, трясаясь, спросил:

– Откуда вы все обо мне знаете?

– Профессор, я же сказал вам в самом начале беседы, что у нас имеются свои источники информации. Так что решение за вами, – заявил без тени улыбки посетитель и положил на стол пистолет.

Профессор в ужасе взглянул на оружие и, вжавшись в кресло, пролепетал:

– А если я не соглашусь...

– Тогда мне не останется ничего другого, как застрелить вас, – спокойно ответил посетитель. – Между прочим, мы бы могли сэкономить целый миллион, просто принудив вас отдать нам мальчишку. Однако тогда бы у вас не было стимула молчать. А так вы не станете поднимать скандал и информировать полицию. Потому что шумиха нам не нужна. Пока не нужна...

Профессор, от внимания которого ускользнула последняя фраза, в волнении поинтересовался:

– Но чем вам так дорог Мануэль Родригес? Как врач могу заверить вас – он не представляет особого интереса! На улицах Манилы сотни, нет, тысячи беспризорников, и ни один человек не хватится, если кто-то из них исчезнет. А у Мануэля имеются родители, мне придется объяснять, отчего они не могут получить тело их якобы умершего сына...

– О родителях мы позаботимся! – прервал врача посетитель. – Да и кто они такие? Всего-навсего бедняки из трущоб, к словам которых никто и прислушиваться не станет! Что же касается Мануэля... Вы не правы, профессор, говоря, что в медицинском плане мальчик не представляет ни малейшего интереса.

Главный врач, уже немного успокоившийся и прикидывавший в уме, можно ли выбить из странного посетителя бо€льшую сумму, веско произнес:

– Ну, вы же не верите всяким там сказкам об одержимости! Мы же с вами образованные люди! Да, я католик и регулярно хожу в церковь, однако в байки о Страшном суде и воскрешении плоти не верю. Мануэль страдает целым букетом психических заболеваний, чем и объясняется его состояние, которое некоторые несведущие личности называют бесовской одержимостью, кои...

– Об этом позвольте судить нашим собственным специалистам! – вновь прервал доктора посетитель с ноткой раздражения в голосе. – Да и какая вам разница, профессор, зачем нам мальчишка?

– Прежде чем я... помогу вам, я хочу получить гарантии того, что с Мануэлем не случится ничего плохого, – заявил профессор с наигранным негодованием. – Для каких именно целей требуется вам подросток? Для медицинских экспериментов?

– Профессор, слишком много вопросов! – поцокал языком визитер. – Вам же платят за то, чтобы вы задавали их как можно меньше.

Главному врачу не оставалось ничего иного, как смириться. И он быстро добавил:

– Вся эта история дурно пахнет! Поэтому меньше чем за полтора миллиона я не соглашусь!

– Нет, профессор, миллион в кейсе плюс обещанные сто тысяч в качестве бонуса. Больше вы ничего не получите! Разве что пулю в череп! – усмехнулся посетитель. И дотронулся до лежащего на столе пистолета.

Главный врач вздрогнул.

– Кстати, я имел честь общаться с вашим заместителем, профессор, – продолжил гость. – Крайне честолюбивый тип, вы не находите? Спит и видит, как бы усесться в ваше кресло. И непременно займет пост главного врача, если, скажем, с вами что-то случится. Если вы, к примеру, вдруг станете жертвой уличного ограбления. Сдается мне, он будет согласен и на полмиллиона...

Визитер поднялся, и профессор, нервно сглотнув, проговорил торопливо:

– Нет, нет, давайте заключать сделку. Можете забирать мальчишку сегодня ночью, я все устрою. Документы тоже будут готовы.

– Рад, что мы сумели договориться, профессор! – произнес посетитель, убирая пистолет со стола.

– И все же я имею право знать! – сказал профессор, поспешно хватая кейс с деньгами. – Вы все время говорите «мы»... Кто это – «мы»?

Обернувшись, гость смерил медика странным взглядом.

– Хотите знать, кто такие «мы»? И как нас зовут? Что ж... Мы везде и в то же время нигде. Мы – это он, а он – это мы. Он – наш великий отец и полновластный хозяин, а мы – его послушные рабы. У него нет имени, потому что на самом деле у него очень много имен. И все они – фальшивые. Потому что ни одно из них не отражает и миллиардной доли его великой сущности. Он – наш бог! И имя нам легион...

Москва (Россия) 11– 12 декабря

Шасси самолета, прилетевшего в российскую столицу из Манилы, коснулось бетонной полосы. Часы показывали три минуты второго ночи. Самолет прибыл с небольшим опозданием.

Молодая женщина с короткими, стильно уложенными рыжими волосами поднесла к уху крошечный мобильный телефон и, услышав знакомый голос, доложила:

– Они только что сели...

– Ольга, я жду! – произнес ей в ответ мужской голос. – Мы хотим приступить к ритуалу еще этой ночью!

Ольга распахнула дверцу джипа и вышла на свежий воздух – звонок от магистра не относился к числу приятных событий. Женщина предпочитала все черное – она знала, что черное ей шло чрезвычайно. Черные узкие сапоги на высоченных каблуках, длинный черный плащ с меховым воротником, изящные черные кожаные перчатки...

В лицо женщине ударил холодный ветер. Поежившись, она взглянула на мужчин, замерших около темного фургона.

Женщина наблюдала за тем, как самолет замедлил свой бег по взлетно-посадочной полосе и наконец замер. Уже несколько мгновений спустя был подан трап.

Никаких проволочек, все формальности давно улажены. Ольга поднялась на борт лайнера, где ее встретил тип с невыразительным лицом в черном костюме и с платиновым «Ролексом» на запястье. Его звали Артем.

– Полет прошел без осложнений, – сообщил он, не здороваясь.

Женщина знала, что Артем не выносит ее, справедливо опасаясь, что ее влияние растет слишком быстро.

– Где он? – отрывисто спросила Ольга и, не дожидаясь ответа, ринулась в глубь салона.

Самолет был переоборудован под летающий госпиталь. Официально их организация занималась доставкой гуманитарной помощи, поэтому во всех странах, в особенности бедных и нуждающихся, ее представителей встречали с распростертыми объятиями.

Еще из-за двери женщина услышала странный голос. Она чуть поколебалась, прежде чем войти. На кровати, пристегнутый ремнями, лежал темнокожий подросток. Это и был Мануэль Родригес. Все зависело теперь от него. Вернее, от того, кто находился в теле мальчишки...

Подросток выглядел не лучшим образом: губы запеклись, лоб и щеки были покрыты царапинами, а глаза закрыты. Женщину встретили два врача. Ольга жестом отослала их прочь.

– Что, шлюха, приперлась встречать меня? – раздался скрипучий нечеловеческий голос.

Ольга вздрогнула – голос исходил от подростка, но тот, казалось, был в беспамятстве или дремал. Его губы не двигались. И, что невероятнее всего, слова были произнесены на чистейшем русском, без малейшего акцента.

Никаким иным языком, кроме испанского, Мануэль Родригес не владел. Его родители и он сам обитали в трущобах Манилы. В больницу подростка устроил местный католический священник, который был уверен, что тот страдает психическим заболеванием. Надо же, священник отказался верить в то, что Мануэль одержим бесами! И куда только катится мир, если даже священники не верят больше в существование дьявола...

Их организация везде имела своих информаторов. Они уже давно, очень давно ждали подходящего случая. И наконец такой случай представился! Потому что в подавляющем большинстве так называемая одержимость на самом деле была лишь проявлением серьезного пси-

хического расстройства. Но им требовался не просто шизофреник, уверенный, что голоса из ада нашептывают ему секреты мироздания, а человек, действительно одержимый бесами.

И вот они нашли его! Потому что знали, где искать. Помогли записи профессора Жана Мориса ЛеРоя, некогда члена организации, основавшего потом свою собственную сатанинскую секту. Как жаль, что Ольга не смогла поговорить лично с этим выдающимся человеком, недавно казненным в калифорнийской тюрьме. Ну ничего, возможно, еще представится возможность. Ведь смерть, как была уверена женщина, не является непреодолимым препятствием.

И все же одержимого, настоящего одержимого, а не простого сумасшедшего, Ольга видела впервые. Она много раз просматривала записи изгнания бесов из немки Марилены Габриель (отец несчастной по просьбе ватиканского экзорциста снимал всю процедуру на домашнюю камеру). Эти пленки, на процессе не фигурировавшие, оказались в секретном архиве Ватикана. Однако организации удалось заполучить копию.

– Куда вы меня привезли? – спросил вдруг по-испански подросток, распахивая глаза. На лице Мануэля были запечатлены ужас и смятение. – Сеньора, где мои родители! Почему я не в больнице? Где я, где я?

Ольге стало даже немного жаль мальчика. В сущности, он ведь ни в чем не виноват. На его месте мог оказаться любой другой. И даже она сама!

Ребенок заплакал. Ольга подошла к нему, положила ему на лоб руку и произнесла по-испански:

– Все будет хорошо, я обещаю! Мы вылечим тебя. Мы тебе поможем.

Внезапно по лицу Мануэля пробежала судорога, его глаза закатились. А через мгновение приступ прошел. Ольга заметила, что глаза подростка стали теперь черными, не видно было ни зрачков, ни белков.

Несмотря на то что больной был пристегнут ремнями, ему удалось повернуться – и он едва не укусил Ольгу за ладонь. Женщина в смятении отшатнулась.

– И ты поверила мне, шлюха! – пророкотал Мануэль по-испански. Голос его изменился, как будто принадлежал не испуганному подростку, а взрослому мужчине. А через секунду захныкал голосом маленькой девочки, причем перейдя на английский: – Помоги мне, помоги мне! Я хочу к маме и папе! Меня зовут Эвелин, мне восемь лет... Мне так страшно и плохо! Я ведь ничего плохого не сделала, только бросила своего новорожденного братишку, который изводил меня своими воплями, в кастрюлю с кипящей водой! Я хорошая девочка, я очень хорошая девочка!

Мануэль затих. А когда Ольга неосторожно приблизилась к нему, вдруг по-змеиному поднял голову и со всей силой харкнул в сторону женщины. Кровавый плевок попал на рукав плаща.

– Я снайпер, я умею отлично стрелять. Я работал на вышке в Освенциме, – заявил подросток командирским голосом по-немецки. – Меня зовут Отто-Хайнц Альбрехт. Мне так нравилось стрелять в свиней! Я имею в виду евреев. Стоило кому-то из них приблизиться к забору, как я открывал огонь. Но я не убивал их сразу, о нет! Они должны были мучиться, страдать, истекать кровью...

Бумажной салфеткой Ольга стерла плевок и сообщила:

– Вы находитесь на территории России...

– Фюрер не любил Россию! – рявкнул Мануэль.

– И мы рады приветствовать вас, Хозяин! – продолжила женщина. – Мы так долго ждали этого момента!

– Я тоже, Олененок, – послышался дребезжащий старческий голосок, вещавший по-русски. – Деточка моя, как же я рад, что ты стала такой большой и красивой! И медицинский закончила. И кандидатскую блестяще защитила...

Это был голос бабушки Ольги – ее бабушки Вити, которого она просто обожала. А она была его единственной и горячо любимой внучкой. Но бабушка Витя умер, когда ей было восемь лет. Только он называл ее так – Олененок.

– Олененок, я так тобой горжусь! – Мануэль продолжал сюсюкать голосом бабушки Вити. – Ох, как я тобой горжусь, деточка моя! Мы все тут тобой гордимся... Тобой, шалава, проститутка и продажная лахудра! Тобой, дебилка, мерзавка и шлюха! А больше всего я и мой большой друг Вадим Данилович. Хочешь с ним поговорить?

Ольга оцепенела. Вадим Данилович, учитель физкультуры в провинциальной школе... Молодцеватый старый хрыч, который с большим рвением подсаживал девочек на «козле» и постоянно заглядывал в женскую раздевалку. А однажды... Об этом Ольга никому не говорила. Никому! Однажды он пристал к ней и попытался принудить к половому акту. Она, пятиклассница, ничего не понимала. Тогда ей удалось вырваться, а вот на следующий раз не получилось – Вадим Данилович изнасиловал ее на матах в спортзале.

О той истории Ольга заставила себя полностью забыть. То, что произошло, она осознала только несколько лет спустя. Но к тому времени Вадим Данилович в школе уже не работал – ушел на пенсию. А потом девушка узнала, что бывший учитель умер от инфаркта. Так откуда же... Впрочем, что она удивляется? Хозяин поистине всемогущ. Но ведь никто не знал, что Ольга не верила в существование Хозяина! Или... Или он все же существует?

– Что, Оленька, притихла? Боишься? Но я не сделаю тебе больно! Потерпи немного, и все будет хорошо...

Голос сладострастного учителя физкультуры стоял у нее в ушах. Ужасные слова, которые он повторял, овладевая ею, одиннадцатилетней дурочкой, врезались в память. И эти же слова выплевывал сейчас Мануэль, мальчишка, привезенный с Филиппин!

Женщина стряхнула с себя воспоминания и крикнула:

– Замолчи, немедленно замолчи!

Подросток затих, а затем снова захныкал по-испански. Ольга профессиональным жестом проверила его рефлексy. Ослаблен, что неудивительно после многочасового перелета, однако вполне в кондиции.

Она старалась не думать о том, что именно овладело душой и телом несчастного ребенка. Знала, что его ожидает, однако другого пути просто не существовало. Члены секты сделают все так, как приказал им Хозяин. Потому что они – его легионеры. Легионеры Сатаны.

– Хозяин, прошу извинить, но вы понимаете, что это необходимо... – Ольга, взяв со столика рулон скотча, оторвала кусок и заклеила им рот подростку. Тот немедленно принялся извиваться, его глаза снова налились черным.

Женщина вышла в коридор, где ее поджидал Артем, невзрачный тип с платиновым «Ролексом».

– Магистр будет доволен! – заявил тот, потирая радостно руки. – А чего ты такая бледная, Ольга? Или мальчишка огорошил тебя парой неприятных воспоминаний?

Артема Ольга не выносила на дух. Еще бы, ведь он стремится занять место, которое по праву должно принадлежать одному человеку – ей самой! Неприятный тип постоянно упирает на то, что является незаменимым человеком для секты. А разве она – заменима?

– Не понимаю, о чем ты, – бросила женщина холодно. – Мальчишка далеко не в самом лучшем состоянии. Боюсь, долго он не протянет.

– Так он же и так не жилец, – хмыкнул Артем. – Главное, чтобы до ритуала дотянул, а потом все равно умрет. Кстати, к ритуалу все готово?

– Разумеется! – ответила Ольга и направилась к выходу. Не оборачиваясь, произнесла: – Готовьте мальчишку к транспортировке!

Оказавшись на воздухе, женщина первым делом закурила. И отметила, что ее руки мелко дрожат. Конечно, она была готова к тому, что ее ожидает, и все же... Ей было до невозможно-

сти страшно. Однако пути назад не было. Ольга прекрасно знала, что ожидает тех, кто вдруг надумал покинуть организацию. Перестать быть ее членом можно было только в одном случае – в случае смерти!

Наслаждаясь сигаретой, женщина наблюдала за тем, как ее подручные вынесли из самолета носилки с филиппинским мальчишкой. Мануэля крутило – та сила, которая овладела им, снова давала о себе знать.

Ольга проследила за тем, чтобы подростка погрузили в фургон, тщательно проверила, нет ли у него малейшей возможности вырваться, и подошла к джипу. На сиденье рядом с водителем восседал Артем.

– Ты ведь не возражаешь? – спросил он с ухмылкой.

Ольга ничего не ответила и уселась за руль.

Зазвонил мобильный. На связи снова был магистр. Женщина доложила ему, что все улажено. А затем колонна, состоявшая из трех автомобилей – фургон с Мануэлем шел в середине, – двинулась в путь.

Когда-то Ольга была пионеркой и комсомолкой. Хотя и недолго – комсомол как организация перестал существовать в том же году, когда она вступила в него. Ни в какую мистику она не верила, поэтому после окончания школы выбрала биологический факультет.

Ее с детства интересовали проблемы жизни и смерти. Студенткой она мечтала, что разгадает самую большую тайну Вселенной – секрет того, как можно побороть смерть. Или хотя бы отсрочить ее на неопределенный срок.

Постепенно девушка пришла к выводу, что современная наука, невзирая на все свои несомненные достижения, не в состоянии дать вразумительный ответ. Потому что занимается изучением последствий, но никак не причин. И тогда Ольга принялась изучать труды средневековых алхимиков, магов и целителей.

Практически все, что содержалось в древних книгах, было ерундой, бредом с научной точки зрения, средневековыми сказками. Однако ей удалось напасть на след одного давно забытого чернокнижника. В своей рукописи, которую она откопала в библиотеке герцога Августа в северонемецком городке Вольфенбюттель, тот утверждал, что ему удалось выявить первоисточник зла. По мнению автора, это была некая субстанция, нечто наподобие того, что ученые последующих веков называли вирусом. Природа данной субстанции была не человеческая, а мистическая. И прародителем зла был тот, кого религии разных народов и континентов именovali по-разному. В Европе он был известен под именем Сатаны.

Ольга, являвшаяся до мозга костей материалисткой, несмотря на повальное увлечение граждан бывшей коммунистической империи религией, долго смеялась над такой трактовкой. А потом задумалась: в самом деле, отчего зло не может быть субстанцией, вирусом? После этого она стала углубленно изучать тему одержимости – ведь в таких случаях речь шла о проникновении зла извне в человеческое тело. Удивительно, но все указывало именно на то, что зло было подобно вирусу! Вирусу, который превращал человека в монстра, в верного раба дьявола.

Видимо, ее интерес к оккультным предметам не ускользнул от внимания тех, кто уже давно вел исследования в этой области. И однажды ей поступило предложение от одного милого пожилого ученого поужинать с ним.

Затем Ольга стала его любовницей. А через некоторое время, сама того не заметив, оказалась втянутой в работу тайной организации, которая именovala себя «Научно-исследовательским центром по координации и оптимизации человеческого сознания».

Она была поражена, что центр, учреждение негосударственное, обладает ТАКИМ оборудованием и ТАКОЙ базой данных. Поэтому, не колеблясь, приняла предложение своего любов-

ника, который являлся его директором, уволилась из института, где трудилась ранее, и начала работать в центре.

О том, что там проворачиваются какие-то темные делишки, Ольга догадалась с самого начала. Но тогда, в середине девяностых, когда фундаментальной наукой в России мало кто интересовался, кроме ученых-энтузиастов, а государство не выделяло никаких средств, частная организация была единственной возможностью заниматься реальными исследованиями. Когда же Ольга поняла, что на самом деле представляет собой центр, было уже поздно, слишком тесно была она вовлечена в его работу. А занимались в нем не только запрещенными и с научной точки зрения совершенно недопустимыми экспериментами в области биологии, генетики и фармакологии. Здесь ставились опыты на ни о чем не подозревающих людях, которые, польстившись на рекламу, наведались в центр, дабы избавиться от мучивших их проблем.

Научно-исследовательский центр предлагал различного рода семинары, множество курсов с завораживающими и красивыми названиями, которые обещали страждущим решение всех их вопросов. В действительности же под его вывеской скрывалась преступная организация – секта дьяволопоклонников под названием «Легионеры Сатаны».

Когда Ольга наконец-то докопалась до правды, она попыталась возмутиться. Захотела даже уйти из центра. Но ее любовник, пожилой профессор, заявил:

– Оленька, я же предупредил тебя с самого начала: тот, кто станет нашим коллегой, останется им до гробовой доски. И это вовсе не потрепанная метафора!

Молодая женщина, к тому времени превратившаяся в расчетливую и циничную особу, мечтала только о двух вещах: о славе и деньгах. Вернее, о всемирной славе и очень больших деньгах. Ей хотелось получить Нобелевскую премию. Хотелось, чтобы ее имя произносили с благоговением. Чтобы ею восхищались.

Деньги играли в ее жизни важную, чрезвычайно важную роль. Живя с профессором, она уже привыкла к дорогим вещам и заморским деликатесам. В гигантской квартире на Кутузовском проспекте она не прикасалась к плите, не говоря уже о половой тряпке – зачем, если есть прислуга? Не отправляться же ей обратно общежитие, где она когда-то обитала... Такого Ольга и представить себе не могла.

– Но ведь все это чушь! – заявила она тогда. – Я верю только в одно – в человеческий разум. И в научный прогресс. А дьявол – просто выдумка отчаявшихся, необразованных людей. Всякие там религиозные догмы не по мне!

– К религии наша деятельность не имеет ни малейшего отношения, – заметил профессор. – Это в церкви ты должна верить, не имея доказательств. Бог, что касается демонстрации чудес, весьма ленив. Совершает одно или два за пару тысяч лет, и все. Тот же, кто является нашим Хозяином, творит чудеса беспрестанно!

Так любовник ввел ее в секту «Легионеры Сатаны», организацию, действующую по всему миру где-то под видом благотворительного фонда, где-то – научного общества или, как в России, научно-исследовательского центра. Но названия были только вывеской для простаков. В действительности же за всем стояла могущественная секта.

Постепенно Ольга свыклась с мыслью о том, что работает на людей, для которых убить человека, вернее даже, массу людей, – совершенно обыденный поступок. А затем вдруг поняла: вот ее шанс! Именно секта сделает ее могущественной и ужасно богатой!

Секта, как узнала молодая женщина, существует уже давно. Некоторые даже утверждали, будто именно она была первым религиозным культом на Земле. Первобытные люди были связаны с природой, а тем самым и с «другим миром», намного более сильно, чем современный человек. И они знали: за всем, что происходит в мире, скрывается отнюдь не добро, а зло.

Судя по всему, секта действительно была намного старше христианской церкви. Она обладала секретами, о которых простые смертные и не подозревали. Ознакомившись только

с небольшой частью информации, которая имела в распоряжении центра, Ольга поняла: работы – непочатый край. Ее ждут слава и богатство!

Так она сделалась слепым оружием в руках секты. Женщина уже не задумывалась о правильности того, что делала. Ее не занимали ни вопросы морали, ни этические принципы. Секта обладала поистине неисчерпаемыми финансовыми ресурсами и походила на транснациональный концерн.

Ольга догадывалась, что было основной, а по сути – единственной целью секты. ЗЛО. То зло, что находилось в другом мире, оказывало влияние на человека – однако не могло повлиять на его свободный выбор. Только в чрезвычайно редких случаях зло, несмотря на всю свою мощь, могло подчинить человека своему влиянию. Тогда человек становился игрушкой в его лапах. Что такое зло, Ольга так толком и не знала. Однако мистическое объяснение природы зла ее не устраивало. По ее мнению, зло было все-таки вирусом и наверняка имело биологическую природу.

Случаи подлинной одержимости в мире крайне редки. Видимо, существовала невидимая преграда, которую зло не могло преодолеть. Именно над этим Ольга и работала. Время от времени, смотря смешные фильмы о том, как дьявол пытается получить власть над миром, она оглушительно хохотала. Особенно когда голливудские режиссеры презентовали публике феерические картинки Апокалипсиса.

Ядерная война, разрушения и природные катастрофы, войны и безумные тираны – все это сущая ерунда. Секта никогда бы не позволила, чтобы достижения человеческой цивилизации были уничтожены в мгновение ока. Кому нужен мир, ввергнутый в пучину хаоса и разрухи?

Люди бы и не заметили, что настала новая эра. И в этой новой эре, где жрецами верховного божества, их Хозяина, стали бы они, «Легионеры Сатаны», все было бы намного лучше, чем сейчас. Минус на минус дает плюс – зло, завладевшее миром, дало бы в итоге положительный результат. Боль, нищета, болезни и даже смерть – все бы ушло в прошлое. А от человека требуется только одно – вверить себя ему, Хозяину.

Ольга видела: долгие годы упорной работы наконец-то увенчались успехом. Они были уже близки к осуществлению заветной мечты. Тут им чрезвычайно помог профессор Жан Морис ЛеРой, который сумел осуществить то, чего не удавалось никому до него, – он смог экстрагировать зло как субстанцию в чистом виде. Это был вирус – вирус «Легион».

К ритуалу все было готово. Зал, выложенный гранитными плитами, освещали факелы. Все, как и предписано. До начала церемонии оставалось всего несколько минут.

Ольга, облаченная в черный балахон, прошла в смежную комнату. Мануэль, который находился под действием сильных наркотиков, спал на больничной каталке.

Артем, появившийся тут как тут, объявил:

– Магистр только что прибыл!

– Говорят, что решение будет принято в ближайшие дни! – продолжил он с усмешкой. – Я имею в виду вакантную должность директора московского центра. И магистр уже определился со своим кандидатом!

Ольга знала, что Артем, как и она сама, желает во что бы то ни стало занять эту должность. Женщина понимала, что намного способнее его, лощеного садиста, но даже в секте главным были не личные качества, а связи.

Ее же покровитель, который до недавнего времени являлся директором центра, неожиданно скончался. Все же ему было за семьдесят... Теперь требовалось найти преемника. Или преемницу. Ольга знала, что ее кандидатура соответствует всем критериям. Но придерживалось ли и руководство секты того же мнения?

Когда-то у нее был пылкий роман с Артемом, который, впрочем, быстро завершился. Тот, тогда еще новичок в секте, просто использовал ее в своих целях. Ольга разгадала его намерения и дала себе зарок, что не позволит этому субъекту обойти себя. Из любовников они превратились в заклятых врагов.

Послышался гулкий удар гонга, что означало, что ритуал вот-вот начнется. Ольга подошла к каталке и снова взглянула на Мануэля – все без изменений. Затем вернулась в зал.

Его заполняли фигуры в черных одеяниях. На небольших витых колоннах, обрамлявших с обеих сторон некое подобие алтаря, находились два черепа на серебряных блюдах. Один из них принадлежал профессору Жану Морису ЛеРою.

После казни его тело передали родным для погребения, но сестра профессора не желала иметь ничего общего со своим братом, который был для нее кровожадным монстром. Останки были кремированы, а пепел смыт в канализацию.

Однако никто и не подозревал, что сожжено и смыто в канализацию было тело не профессора ЛеРою, а совершенно иного человека. Тело же профессора переправили из Америки в Москву. Сделать это было непросто, однако у секты везде имелись свои люди, в том числе и на высоких дипломатических должностях.

Тело требовалось для проведения ритуала. Вернее, не тело, а череп. Ольга самолично отделила голову профессора от туловища, а потом вываривала ее и очищала. Артем в то время находился в Маниле.

Рядом находился другой череп – с длинными рыжими волосами, пепельно-пергаментной кожей и кривыми желтыми зубами. Это был череп, извлеченный из могилы Марилены Габриель. Для ритуала требовались черепа двух человек, мужчины и женщины, одержимых бесами и скончавшихся, так и не будучи исцеленными.

Хотя истинных жертв одержимости на свете было не так уж и много, однако по всему миру их насчитывалось несколько десятков. С учетом тех, кто умер в прошлые столетия, несколько сотен. Возможно, около тысячи. Но могилы этих жертв затерялись.

Секта обладала достаточно большой коллекцией черепов, которые, по слухам, принадлежали страдавшим одержимостью. Но достоверно никто не мог подтвердить это. Если же во время ритуала использовались черепа обычных людей или тех, кто страдал одержимостью, но все же был исцелен священником, все усилия сводились на нет.

Сейчас рисковать было нельзя. Поэтому требовались черепа двух людей, в одержимости которых не было сомнения (а также в том, что они умерли, так и не исторгнув из себя овладевшее их телом и душой зло).

Несмотря на то что по официальной версии, распространенной Ватиканом, Марилена Габриель была исцелена экзорцистом, после чего мирно скончалась, секте было известно, что это не так. Исцелить девушку не удалось, она умерла одержимой. Поэтому ее череп считался идеальным для проведения ритуала.

То же было справедливо и в отношении профессора ЛеРою. Именно та сущность, что жила в нем, помогла ему устроить во время собственной казни такой переполох. Еще бы, ведь ни одному нормальному человеку, даже самому могучему, не под силу сорвать стальные скобы, а затем в течение десяти минут оставаться живым в камере, заполненной цианистым водородом!

Ольга стояла в первом ряду, рядом с Артемом, наблюдая за тем, как прислужники доставили каталку с лежащим на ней Мануэлем и поставили ее ровно посередине между колонн с черепами. А между двух колонн возвышалась и третья, на которую прислужник водрузил большую, странной формы чашу, покрытую пентаграммами и магическими надписями.

Все ждали появления магистра, главы российского отделения секты «Легионеры Сатаны». Он принимал участие только в наиболее важных церемониях. А нынешняя церемония, вне всяких сомнений, была очень важной! Со всех сторон из динамиков лилась таинствен-

ная, ввергающая в транс музыка. Один за другим облаченные в черные балахоны сектанты затянули древнюю песнь. Ритуал начался.

И вот прозвучали последние слова. Волнение достигло апогея. Музыка, вначале еле слышная, уже была по барабанным перепонкам. Факелы вдруг погасли, и мелодия оборвалась.

Когда же несколько мгновений спустя призрачный фиолетовый свет вдруг осветил алтарь, собравшиеся увидели, что там возвышается фигура в белом балахоне. То и был магистр.

Ольга знала, что для секты чрезвычайно важным является соблюдение ритуала. Сама-то она считала это полной ерундой. Да, женщина верила в существование абсолютного зла, однако в нем, по ее мнению, нет ничего мистического или религиозного. Зло существовало так же, как существовал, скажем, рак, вирус иммунодефицита человека, чума, оспа или вибрион холеры. Все эти возбудители страшных и зачастую смертельных заболеваний не были ужасны по своей природе. Они просто выполняли заложенную в них генетическую программу. И выполнение программы служило только одной цели – продлению собственной жизни.

Однако почти все в секте веровали в зло как в некое божество. Ольга часто ловила себя на мысли, что не верит и в существование Сатаны. Бабушкины сказки! Дьявол, как зло в целом, был для нее всего лишь генетической программой, разгадав и подчинив которую себе, можно управлять всем человечеством.

Верить в дьявола – что может быть смешнее и глупее! Ольга в него не верила. Как не верила и в бога. Ведь это то же самое, что верить в Деда Мороза! Зло – то зло, с которым она соприкоснулась и природу которого хотела понять, – было совершенно иным, нежели вещали те, кто поклонялся Христу или рогатому Хозяину.

Поэтому-то Ольга и предпочитала работать в тиши лаборатории, а на разные церемонии, ритуалы и процедуры, описанные в древних книгах невежественных жрецов и квазиученых, попросту плевала. Однако людям, в том числе и дьяволопоклонникам, требовалось зрелище.

Магистр поднял ввысь сцепленные в замок руки, и присутствующие заметили в них сверкающий кинжал. Требовалось опуститься на колени и завести очередную песню на латыни. Ольга нехотя подчинилась.

Магистр же принялся выкрикивать длинное заклинание. Ольга вздохнула. С гораздо большим удовольствием она подвергла бы Мануэля, который, несомненно, поражен вирусом зла, разнообразным опытам и экспериментам. Ведь только так, при помощи науки, можно раскрыть его тайну. А вместо этого мальчишка станет жертвой ритуального убийства! Хм, собравшиеся тут идиоты верят, что, если соблюсти все правила, можно завладеть субстанцией зла... Она работает над проблемой уже больше пятнадцати лет, но пока ни к чему не пришла!

– Хозяин, взываю к тебе, позволь нам приобщиться к таинству твоего могущества... – прогудел магистр. – Мальчишка является сосудом твоей силы, так дай же нам испытать из него!

Ольга заметила, как прислужники подвезли к алтарю еще одну каталку. На ней лежала девочка-подросток лет тринадцати, как и Мануэль, находившаяся под действием наркотиков.

– Сегодняшний ритуал поможет нам осуществить трансмутацию зла! – провозгласил магистр. – То есть перенести сущность нашего Хозяина из одного человека в другого! Мне нужен помощник!

Ольга приготовилась. Она так давно ждала этого момента! Магистру требовался ассистент для осуществления ритуального убийства, и она была готова принять участие в жалком представлении, была готова убить невинного ребенка. Ведь это пойдет на пользу ее исследованиям! И, кроме того, женщина знала: тот, кого магистр вызовет к алтарю, кому доверит убийство девочки, и станет новым директором центра.

– Брат Артем! Прошу тебя! – раздался голос магистра.

Ольга едва сдержала крик негодования. Как же так? Почему Артем, карьерист и тупица? Да, парень может исполнять приказания вышестоящих, однако сам по себе не представляет интереса! Таких, как он, великое множество!

Каждый может убивать, каждый может полететь в Манилу и привезти одержимого дьяволом ребенка, каждый может командовать головорезами. Она же, Ольга, – выдающийся ученый! Где-нибудь в европейском или американском университете она бы давно могла стать профессором, руководить целой лабораторией, но вместо этого батрачит на центр. Она отвергла несколько чрезвычайно лестных предложений, у нее нет личной жизни, потому что вся ее энергия тратится на то, чтобы служить секте. Она заслуживает благодарности!

Но, похоже, у магистра и прочих мужланов, стоявших во главе секты, на сей счет иное мнение...

– Сестра Ольга, ты ведь согласна с моим решением? – обратился к ней магистр.

Женщина дернулась, а потом покорно ответила:

– Великий магистр, я полностью согласна с твоим выбором!

Артем, не скрывая торжествующей улыбки, подошел к алтарю. Ольга закусил губу, чувствуя, что на глаза наворачиваются слезы. Это ее место! Это ее должность! Артем украл у нее и то, и другое!

Один из прислужников протянул Артему серебряный поднос, на котором лежал кинжал. Тот с готовностью схватил его и вознес над головой.

– Хозяин, мы готовы! О, дай нам знак, что мы можем приступать! Дай нам знак, дай нам знак, дай нам знак, Хозяин!

Собравшиеся в зале для ритуалов принялись скандировать: «Дай нам знак, Хозяин!» Ольга плотно сжала губы. Выходит, что секта сатанистов ничем не отличается от обычной фирмы – наверх лезут исключительно мужики, а женщины, которые в сто тысяч раз талантливее и способнее, остаются ни с чем и довольствуются мелкими должностями.

Внезапно Мануэль, который вообще-то находился под действием лошадиной дозы наркотиков, раскрыл глаза, а потом рывком сел. Ольга в ужасе увидела, что его глаза подобны двум черным дырам. Неужели... неужели древний ритуал действует?

– Спасибо, о Хозяин! – рыкнул магистр. А затем обратился к сектантам: – Нам только что был дан знак!

Вслед за тем Мануэль плавно опустился обратно на подушки. Ольга знала: такое пробуждение, которому все только что стали свидетелями, полностью противоречит физиологическим законам!

– Хозяин, мы хотим получить крупицу твоей плоти! И каплю твоей души! Позволь нам насладиться ими! Мы делаем это к вящей твоей славе! Ты знаешь, что все мы – твои преданные слуги!

Магистр занес кинжал над Мануэлем, Артем синхронно сделал то же самое над девочкой. Магистр начал бормотать заклинание, которое подхватил Артем. А затем, выкрикнув последнее слово, магистр вонзил свой кинжал прямо в сердце филиппинского подростка.

Тот изогнулся, его тело задрожало, а затем он снова сел. Ольга могла поклясться, что его глаза сверкают чем-то красным. Странно, но ребенок, который вообще-то должен был мгновенно умереть, все еще был жив.

Раздалось непонятное гудение, которое нарастало с каждым мгновением. А затем череп профессора ЛеРоя, стоявший на колонне рядом с каталкой, на которой находился Мануэль, вдруг взорвался, обдав собравшихся мелкими костяными осколками.

С потолка вдруг ударил прозрачный луч, который приземлился в чашу, стоявшую на колонне меж двух каталок. Артем же вонзил нож в сердце девочки. Та, в отличие от Мануэля, не шелохнулась.

Второй череп, Марилены Габриель, по-прежнему возвышался на колонне. Все ждали, но ничего не происходило. Ольга злорадно усмехнулась. Артем сделал что-то не так, и ритуал пошел насмарку! Ему не простят оплошности! Ни за что! И в следующем ритуале стоять около магистра будет уже она сама!

Артем был бледен, как полотно, на лбу у него блестели капли пота. Боится, еще бы, боится! Этот слабак не смог даже вонзить девчонке в сердце кинжал! Наверняка не убил ее сразу, а ведь именно так предписано процедурой ритуала! У нее бы рука не дрогнула!

И тут череп Марилены Габриель тоже с оглушительным треском разлетелся на мелкие кусочки. Ольга разочарованно вздохнула, но ее вздох потонул в радостных криках сектантов.

А затем с потолка в чашу ударил другой луч, рубиново-красный. Магистр подошел к чаше, взял ее и поднес к груди Мануэля. Подоспевший прислужник вытащил кинжал, и в чашу устремился поток крови.

Затем то же самое сделал со своей жертвой и Артем. Чашу, заполненную кровью двух жертв, водрузили на колонну. И два луча, прозрачный и рубиново-красный, вдруг переплелись и начали вращаться. От чаши повалил пар, она задрожала и заходила ходуном так, что, казалось, вот-вот слетит с колонны. Магистр и Артем снова принялись нараспев читать заклинания. Затем синхронно взяли поданные им прислужниками небольшие мечи. Ольга закрыла глаза.

Она не была впечатлительным человеком, однако жестокость никогда не была для нее простой забавой, а всегда была направлена на достижение цели. Но, судя по лицу Артема, тот ощущал наслаждение.

Раздались вопли, сопровождавшие глухие чмокающие звуки. Открыв глаза, Ольга увидела, что магистр держит в руке за волосы отрубленную голову Мануэля. Артем же сжимал отрубленную голову безымянной девочки-бродяжки.

Чаша, стоявшая на колонне, в тот момент перестала дрожать, переплетенные лучи исчезли, и с потолка устремился луч, переливающийся всеми цветами радуги. Кровь в чаше зашипела и взбурлила, а затем весь зал для ритуалов погрузился в темноту.

Спустя несколько мгновений свет вспыхнул снова. Каталог с обезглавленными трупами на алтаре уже не было – их спешно увезли прислужники. Артем и магистр стояли около чаши.

Ритуал был практически завершен. Оставалось пробормотать сатанинскую молитву на латыни. Наконец магистр и Артем взяли чашу за две витые ручки и осторожно подняли вверх. Сектанты с воем повалились на пол.

Ольге не оставалось ничего иного, как последовать их примеру. В голове женщины билась одна только мысль – ее обошли, место директора центра займет вовсе не она, а Артем! И сколько придется еще ждать и интриговать, чтобы подняться вверх по карьерной лестнице, неизвестно!

Кровавая церемония закончилась. Присутствующие один за другим выходили из зала в смежные помещения. Ольга специально замешкалась, прекрасно зная, что затем последует сексуальная оргия, сопряженная с приемом галлюциногенных наркотиков. Принимать в ней участие она не собиралась.

Магистр вместе с чашей давно исчез. Ольга была в зале совершенно одна. Она медленно подошла к алтарю, прикоснулась к колонне, на которой стояла чаша.

– Ты была уверена, что магистр вызовет тебя, ведь так? – послышался насмешливый голос у нее за спиной.

Ольга обернулась и увидела своего бывшего любовника. Тот уже избавился от черного балахона и был в обычном деловом костюме. На руке, как обычно, посверкивал платиновый «Ролекс».

Женщина медленно задала свой вопрос:

– С чего ты взял, что я была заинтересована в этом месте?

– Не пытайся обмануть меня, Ольга! – воскликнул Артем со странной улыбкой. – Я же знаю, что ты обижена. Более того, считаешь, что тебе больше нечего делать в нашей организации, раз никто не желает замечать твои несомненные таланты. Однако каждый здесь в курсе: покинуть ее можно только ногами вперед! Ты ведь не намерена еще умирать?

– Ты мне угрожаешь? – спросила женщина насмешливо. На что Артем, уже приблизившийся к ней вплотную, ответил:

– Ну что ты! Наоборот, я предлагаю тебе сделку. Магистр только что сообщил мне, что именно я займу место директора. Ведь мы знаем, кто виноват в смерти прежнего директора, – ты, Ольга! Ты его отравила!

Ольга хмыкнула:

– Бред сумасшедшего!

– По моему настоянию было произведено вскрытие, – произнес вкрадчиво Артем. – И в организме несчастного нашли лошадиную дозу чрезвычайно редкого растительного яда.

Ольга постаралась не выдать свое волнение:

– Его мог отравить любой! К примеру, ты, Артем!

Артем расхохотался.

– Да, я знал, что чистосердечное признание мне из тебя не выбить... Впрочем, ты молодец – отравила старика, желая занять его место, а в итоге в его кресло уселся я. Спасибо, Оля!

Ольга, на лице которой застыла гримаса отчаяния, ничего не отвечала. Подойдя к женщине вплотную, Артем произнес:

– Но твои признания и не нужны! Мы ведь и так понимаем, кто уколошил старика. Расследования, конечно же, не будет, но и места директора ты не займешь. Придется тебе уйти и с должности заместителя директора центра – не могу же я держать на таком посту отравительницу! Твое место займет мой младший брат, который через пару недель вернется из-за границы, где заканчивает обучение в престижном вузе.

Ольга, побледнев, выдохнула:

– А что станет со мной?

– С тобой? – надменно усмехнулся Артем. – Ты будешь и дальше трудиться во благо секты. Предстоит большая работа над вирусом! Ты же знаешь, что он нужен нам для ритуала открытия портала. Вот над чем ты и станешь работать, Оля!

С этими словами он привлек к себе женщину и поцеловал ее.

Ольга оттолкнула от себя нахала и залепила ему пощечину. Артем потер щеку и заявил:

– Тебе лучше сотрудничать со мной! Потому что сопротивление ни к чему не приведет. Главный в центре теперь я, и мне ничего не стоит уничтожить тебя!

Тут в зале возник один из прислужников магистра, доложивший, что тот желает видеть Артема и Ольгу.

Мужчина и женщина проследовали в смежную комнату, а оттуда – в коридор, из которого лифт вознес их наверх, в одну из лабораторий центра.

Магистр был в белоснежном одеянии, на котором виднелись крошечные кровавые разводы. Ольга опустилась на одно колено и поцеловала его руку.

– Мне нужны результаты, причем немедленно! – потребовал магистр.

Ольга молча принялась действовать. Взглянув в электронный микроскоп на каплю крови, она воскликнула:

– Структура совершенно переменилась! Думаю, мы у цели!

Магистр сам прильнул к окуляру и прошептал:

– Как же долго я ждал этого момента... Наконец-то получилось! Хотя, конечно же, предстоит еще много работы. Что ж, исходный материал имеется. Однако мне требуется доказательство!

Ольга кивнула, набрала в шприц крови из чаши и подошла к одному из террариумов, в котором копошились лабораторные крысы. Женщина выбрала одну, крысу-альбиноса, и сделала ей инъекцию, введя небольшое количество ритуальной крови. А затем опустила грызуна обратно в террариум.

Крыса-альбинос словно оцепенела. Прочие животные избегали ее, с писком прижимаясь к прозрачным стенкам. А затем произошло невероятное: выпуклые красные глаза крысы вдруг заволокло черным, зверек, оскалив зубы, бросился на одну из соплеменниц и в два счета перегрыз ей горло. Меньше чем через минуту в террариуме осталась только крыса-альбинос, а на полу лежали шесть тушек неподвижных животных, которых она умертвила. После чего крыса уселась на задние лапки и принялась чистить заляпанный кровью мех.

– Невероятно... – прошептал магистр в упоении. – Крыса ведет себя, как серийный маньяк! Она хочет только одного – убивать!

И, словно в подтверждение его слов, зверек с визгом бросился к стеклу, за которым мелькнула рука магистра. Если бы не преграда, животное наверняка бы впилося в него своими острыми зубками.

Затем крыса принялась метаться по террариуму – и вдруг повалилась на бок. Сделала последний судорожный вздох и замерла.

– Над этим придется поработать, однако я не сомневаюсь, что в итоге мы получим тот результат, который нам нужен для открытия портала. Для того, чтобы на Земле наконец наступила эра нашего Хозяина! – торжественно объявил магистр. – Крыса-убийца – только начало. Грызун прожил всего несколько минут. Видимо, доза была слишком большой. Тебе, сестра, и твоим сотрудникам предстоит выяснить, какая доза является оптимальной для человека.

– Ольга, ты слышала, что сказал великий магистр? – подал голос Артем. – Можешь приступить к работе прямо сейчас. А нас, великий магистр, ждет изысканный ужин.

– Сестра, я возлагаю на вас большие надежды, – сказал магистр, двигаясь к выходу из лаборатории. – То, над чем наша организация билась веками, наконец-то осуществлено, но чтобы приступить к открытию портала, требуется сыворотка, которая воздействует на человека.

Мужчины удалились, однако Ольге было не до них – работы и в самом деле было непочатый край! Она взглянула на террариум, заваленный трупиками крыс. Вот оно, доказательство того, что злом, как вирусом, можно заразить любого. И любой, будь то крыса или человек, превратится в беспощадную машину, нацеленную только на одно – на убийство!

Ольга осторожно извлекла из террариума мертвую крысу-альбиноса. Итак, Артем перехитрил ее! Негодяй занял кресло директора, а на ее место теперь сядет его младший братец. А ей остается одно – научные изыскания...

Женщина принялась за вскрытие мертвой крысы. Ничего, она приложит все силы для того, чтобы разгадать тайну зла. Зла, которое, подобно вирусу, внедрилось в зверька и заставило его убивать.

Тут Ольга усмехнулась и отложила скальпель, а потом взглянула на золотую чашу, полную ритуальной крови. Идиоты-мужики думают, что она будет подчиняться им? Как бы не так!

Ольга знала, что надо сделать. Она покинет секту. И заберет с собой содержащую вирус жертвенную кровь. Им же оставит другую, без вируса. Сектанты не посмеют тронуть ее, потому что им нужен вирус. Она усовершенствует его, и тогда... И тогда и Артем, и магистр, и даже Совет Магистров будут подчиняться ей!

Впрочем, Артему до того момента дожить не суждено. Ольга вынула из ящика стола крошечный пузырек с бесцветной жидкостью. Вот он, яд! Женщина решила, что проучит мерзавца, обошедшего ее. Просто отравит его – так же, как и своего любовника, прежнего директора центра. Таким будет ее прощальный подарок секте, в которой она проработала столько лет и где ее талант абсолютно не ценят!

Да, она покинет секту и лишит ее бесценного сокровища – вируса. Но ведь нужна лаборатория, чтобы проводить новые исследования... Кто ей может помочь? Ольга задумалась. Кирилл, конечно же, Кирилл Звягинцев!

Одиннадцать месяцев спустя...

Челябинск (Россия)

2– 3 ноября

Дверь класса приоткрылась, и на пороге появилась пожилая школьная медсестра, которую все за глаза звали не иначе как Гусыня. Женщина и в самом деле походила на гусыню – полная, переваливающаяся с ноги на ногу, с таким же смешным крякающим голосом.

– Елена Петровна, прошу прощения за вторжение, однако прививки! – заявила Гусыня и оглядела школьников.

По классу пронесся вздох недовольства. Елена Петровна, строгая математичка, поправила очки в старомодной оправе и сказала:

– Ну-ка, никакого нытья! Я на днях сделала прививку и чувствую себя отлично. Вы же слышали о воробыином гриппе, который сейчас бушует по всему миру? С ним шутить нельзя! Или вы хотите подцепить заразу, а потом умереть?

Умирать, конечно же, никто не хотел. О воробыином гриппе писали в газетах и сообщали на телевизионных каналах. По всему миру скончалось уже несколько сотен человек, поэтому в спешном порядке была разработана вакцина. Министр здравоохранения вместе со своим коллегой, министром образования, призвала школьников и студентов привиться и таким образом защитить организм от жуткой болезни.

– На прошлой неделе, на родительском собрании, все проголосовали за то, чтобы вам сделали прививку, – напомнила Елена Петровна. – Или кто-то из вас желает валяться в больнице, потому что отказался делать прививку и подхватил этот самый воробыиный грипп?

Никто из учеников 11-го «Б», конечно же, не желал заболеть, причем так тяжело, когда начинался столь важный последний учебный год. Поэтому Елена Петровна разрешила покинуть класс трем ученикам. Когда те вернулись, в медпункт отправились трое других.

Дима Сазонов был спортсменом, отличником и намеревался поступить после окончания школы на юридический. Плевать он хотел на всякие там гриппы, что птичий, что свиной, что воробыиный, однако, как и его одноклассники, оказался в медпункте.

Гусыня пригласила его за ширму, велела закатать рукав и продезинфицировала участок кожи. Дима Сазонов наблюдал за тем, как она извлекла новый одноразовый шприц и небольшую ампулу. Мгновением позже игла вонзилась в кожу. Дима Сазонов поморщился, но боль быстро прошла.

– Вот и все, – кивнула Гусыня, прижимая к месту укола ватку. – Следующий!

Дима Сазонов вышел из медпункта и вдруг почувствовал, что перед глазами у него все поплыло. В ушах внезапно зашумело, а по телу разлилась странная слабость.

– Эй, Димон, ты чего такой бледный? – спросил его одноклассник Колька Панкратов. – С тобой все в порядке?

Дима Сазонов ничего не ответил, развернулся и направился к лестнице. На уроках он чувствовал себя неважно, однако не подавал виду. Не обращаться же к врачу из-за того, что у него возникла странная реакция на прививку!

Оказавшись дома, парень швырнул рюкзак в угол комнаты, плюхнулся за компьютер – и неожиданно подумал о том, что отец, заядлый охотник, хранит ключи от металлического шкафа, в котором хранятся ружья и амуниция, в домашнем сейфе. Дима и сам не мог сказать, отчего эта мысль вдруг так заняла его. Вообще-то он иногда ходил с отцом на охоту, посещал тир и умел неплохо стрелять. Но в последнее время не было времени да и желания.

Головная боль усилилась. Дима бросился на софу, накрыл голову подушкой и сам не заметил, как заснул.

Проснулся юноша оттого, что мама, вернувшаяся с работы, заглянула в его комнату. Ее прохладная рука опустилась на лоб старшего отпрыска.

– Димуля, неужели ты заболел? – произнесла она в тревоге. – Надо измерить температуру!

Но температура оказалась нормальной, даже ниже обычной – тридцать пять и девять. Наверное, ребенок просто устал, решила мать. Еще бы, в школе такие нагрузки!

– Папа сегодня вернется поздно, – вздохнула женщина. – Он позвонил и сказал, что у них аврал в фирме. Опять какие-то проблемы с таможней!

Ел Дима, всегда отличавшийся хорошим аппетитом, вяло, и мама обеспокоенно заметила, что ему надо бы показаться врачу. А сын вдруг вспылил и, заявив, что нечего ей совать нос в его дела, ушел в свою комнату и громко хлопнул дверью.

Мысль о металлическом шкафе с оружием занимала Диму все больше и больше. Парень уселся перед компьютером, совершенно забыв о домашнем задании. Его пальцы застрочили по клавиатуре...

Очнулся Дима внезапно. Оказывается, он заснул в кресле, прямо перед компьютером. Головную боль как рукой сняло. В голове было совершенно ясно. Подросток бросил взгляд на экран – сайт, на котором он побывал до того, как вырубиться, был посвящен кровавым боям в школах и университетах по всему миру. Теперь Дима знал, что надо сделать!

Часы показывали тринадцать минут шестого утра. Юноша выскользнул из комнаты, прошел на кухню и извлек из кухонного шкафа острый нож для резки хлеба. А затем направился в родительскую спальню.

Мама спала на боку. Рядом с ней похрапывал отец, вернувшийся, скорее всего, несколько часов назад. В последнее время он стал часто задерживаться на работе: говорил, что то с поставками товара, то с таможней, то с налоговой инспекцией, то еще с чем-то возникают проблемы. Но мама подозревала, что он завел любовницу, однако не решалась завести разговор на эту тему.

Дима подошел к храпевшему отцу, сбросил с него одеяло. А затем вонзил ему в грудь нож. И еще. И снова. Каждый раз, когда лезвие входило в плоть и издавало чмокающий звук, юноша испытывал удовлетворение. Отец обманывает маму, поэтому он должен умереть!

Видимо, звуки разбудили маму, потому что она, приоткрыв глаза и сощурившись – без очков мама видела плохо, – потянулась к часам, стоявшим на туалетном столике. Затем, обернувшись, удивленно спросила:

– Димочка, сынок, это ты? Что-то случилось? А что такое у тебя на майке?

– Кровь, мама, – ответил подросток странным сиплым голосом и обогнул кровать. Мама в волнении закудаhtала:

– Кровь, откуда кровь? Сынок, с тобой все в порядке?

Наконец женщина нащупала очки и водрузила их на нос. Ее взору предстала страшная картина – любимый сынок Дима, в трусах и майке, забрызганной кровью, причем чрезвычайно обильно, возвышался над ней. Кровь была и на лице ребенка.

Лицо... Что-то с Димочкой было не так! Глаза, его глаза! Мама всегда была горда тем, что у ее отпрыска красивые темно-серые глаза. Но сейчас глаза Димы походили на глазницы черепа – пустые, мертвые и черные, абсолютно черные!

– Димуля, мальчик мой, тебе плохо, тебя вырвало кровью? – заголосила мама, отбрасывая одеяло. – Сейчас же вызовем «Скорую»!

И тут ее взгляд скользнул по правой руке сына – женщина увидела, что тот сжимает нож, с лезвия которого на палас капает кровь. Мама взвизгнула, вскочила с кровати – и увидела изуродованное тело мужа.

Женщина поднесла руки к горлу, издав булькающий звук. Дима подошел к матери и вонзил ей в сердце нож. Несчастная рухнула на кровать. А сын принялся наносить удар за ударом.

...Вика, которая была младше своего брата Димы на полтора года, позевывая, вошла на кухню. В отличие от гордости родителей, Димусеньки, она ненавидела школу и была троечницей. В голове у девочки были только развлечения, походы по магазинам и обжимания с мальчишками.

Вика увидела брата, который сидел за столом и поглощал из тарелки кукурузные хлопья. Взглянула на часы и воскликнула:

– Почему меня никто не разбудил? Я же опаздываю! А где родаки?

– В спальне, – ответил странным голосом Дима.

Вика, метнувшись в ванную, заявила:

– Я принимаю душ! И кстати, тебе, братец, тоже бы не помешало – у тебя вся майка черт знает в чем!

Дима поднялся из-за стола и поднял с пола окровавленный нож. Затем направился в ванную комнату. Вика уже нежилась под струями воды в душевой кабинке. Парень рывком распахнул пластмассовую дверцу. Сестра ойкнула, попыталась прикрыть тело руками и гневно воскликнула:

– Дмитрий, ты что, слетел с катушек? Я же принимаю душ! Ослеп, что ли? Или «колес» наглогался?

И тут Вика заметила в руке брата нож. Дима замахнулся, девочка дико завопила, однако ее крик очень быстро стих. Молодой человек, нанеся несколько десятков ударов, отбросил нож в сторону, шагнул под душ и закрыл дверцу.

Тело сестры, скрючившись, лежало на полу кабинки. Оно подростку совершенно не мешало. Дима отрегулировал воду, сделав ее погорячее, и принялся смывать с себя кровь.

Закончив принимать душ, Дима покинул ванную и направился в кабинет отца. Комбинация домашнего сейфа была ему отлично известна. Он извлек ключи от металлического шкафа, в котором хранились ружья. Попутно вспомнил, что у отца имелся и пистолет.

...Елена Петровна прислушалась. Ей показалось, что внизу, на первом этаже, что-то перевернулось. Или, возможно, на улице лопнула шина автомобиля.

А через несколько мгновений дверь в класс распахнулась. На пороге возник Дима Сазонов. На плече у него висел чехол, из которого выглядывало нечто... нечто, похожее на дуло ружья! В руке же Сазонов сжимал отливающим черным пистолет.

Елена Петровна гневно повысила голос:

– Сазонов, ты не только пришел на занятия с опозданием почти в полчаса, так еще и пугач притащил? Учти, это тебе даром не пройдет...

Прогремел выстрел. Елена Петровна, в голове которой вдруг возникла дырка, мешком повалилась на пол. Школьники дико заорали. А Сазонов принялся стрелять по ним...

Москва (Россия)

16 ноября

Так, что же остается еще купить? Маша взглянула на несколько измятый лист. Ага, конечно же, в доме нет яиц. И меда. Потребовалось несколько секунд, чтобы сообразить, где они находятся в супермаркете – конечно же, в противоположных концах!

Маша Котельникова, толкая коляску, завернула за стеллаж – и увидела его. Олег – улыбающийся, невероятно красивый и чертовски сексуальный, одетый, как всегда, стильно, держал в руках какой-то диковинный корнеплод.

А около него возвышалась похожая на каланчу девица. Однако никто бы не мог сказать, что она была некрасивая. Именно такие мужчинам и нравятся – кукольное личико, длинные белокурые пряди, чувственный рот и глаза, как у Мальвины. Плюс ко всему тощая фигура манекенщицы и умопомрачительные ноги, которые, казалось, росли у красотки если не от ушей, так от белоснежных зубов.

И что Олег делает в этом супермаркете? Какая нелегкая его сюда только занесла? Как бы то ни было, встречаться с ним в намерения Маши не входило. Только-только она смирилась с тем, что Олег бросил ее, только-только переварила весть о том, что он изменял ей, причем уже давно, только-только перестала плакать по ночам в подушку – и вот красавец Олег собственной персоной в их супермаркете. И ладно бы один, а ведь появился сюда со своей новой пассией!

Хорошо, что он не смотрел в ее сторону. Маша дала задний ход, желая скрыться за спасительным стеллажом с чипсами, и налетела на чью-то коляску.

– Девушка, вы что, слепая? – раздался визгливый женский голос. Около Маши возвышалась женщина-глыба, облаченная в серебристую шубу до пят. – Чего вы претесь напролом, как носорог в саванне? Разве можно так делать? Вот ведь народ пошел, им на всех наплевать!

Хуже всего были не гневные, полностью заслуженные тирады толстухи, коляска которой была забита не просто доверху, а с приличной горкой, а то, что ее громогласный бас мог привлечь внимание Олега.

Назад дороги не было – женщина-глыба уступать место Маше явно не собиралась, а продолжала костерить современную молодежь на чем свет стоит. Маша попыталась повернуть вправо, за соседний стеллаж, но оттуда появился мужчина с седой бородкой, также толкавший перед собой коляску. Она была в западне!

Маша кожей чувствовала на себе взгляд Олега – конечно же, он заметил ее. Так пусть сделает вид, что не узнал! Менее всего ей хотелось сейчас сталкиваться лицом к лицу со своим бывшим. Нет, не бывшим другом, а женихом и без пяти минут мужем!

Ведь совсем недавно оба строили планы совместной жизни, Маша была так счастлива с Олегом, они планировали совместный отпуск в декабре – намеревались полететь на Тенерифе. А за неделю до ее дня рождения в начале сентября Олег сказал, что им надо «серьезно поговорить». И поставил ее в известность, что их любовь, увы, завершилась. Что он, к сожалению, не представляет себе будущего с Машей. Что, невзирая на все, должен сказать ей правду – он уходит к другой. Вернее, это значило, что Маша должна собрать вещи и покинуть его квартиру. Когда она разревелась, Олег, морщась, добавил, что не стоит устраивать истерик и закатывать сцен. Что он крайне благодарен ей за некоторые счастливые и незабываемые моменты. Некоторые! От этих слов Маша заревела еще сильнее.

И стихла только тогда, когда Олег сказал, что поможет ей с переездом и с поиском квартиры. И что возьмет все расходы на себя – он все-таки джентльмен. Но ей надо убраться из его квартиры как можно быстрее: Алина не любит ждать.

Алиной звалась его новая пассия. Она была начинающей манекенщицей и, конечно же, не упустила такого видного мужчину, каким был Олег. Наверняка надеялась выскочить за него замуж! Или хотя бы через его постель пробиться на самый верх модельного олимпа. Ведь у Олега везде были связи, недаром он был главным редактором одного из гламурных журналов.

– Маша! – донесся баритон Олега, который когда-то сводил ее с ума. Да чего греха таить – и до сих пор сводил.

Маше не оставалось ничего иного, как развернуться, демонстрируя фальшивую улыбку. Она чувствовала себя как невинно осужденный, которого палач тащил к колоде, чтобы оттапать топором голову. Лучше бы ей и правда оттапали голову, чем оказаться в этой ужасной, нелепой ситуации!

– Девушка, так вы отъедете наконец? – возопила женщина-глыба. – Или кто коляску-то убирать будет, Пушкин, что ли?

– Тележкой в самом деле займется Пушкин! – произнес, подходя ближе, Олег с обворожительной улыбкой на устах.

Его фамилия действительно была Пушкин. Говорили, что он являлся дальним родственником великого поэта, но Маша знала: это полная ерунда, Олег сам распускал такие слухи. Пушкиной была его первая, давно забытая, супруга, старше Олега на много лет, с которой он сочетался браком, едва ему исполнилось восемнадцать. От нее он получил московскую прописку, связи в богеме и фамилию. До того Олег звался Свиныным и чрезвычайно переживал по поводу своей, как ему казалось, кошмарной фамилии. И о первом браке, и о его настоящей фамилии Маша узнала совершенно случайно – Олег тщательно скрывал и то, и другое.

Он умел быть галантным, более того, пленительным и чарующим. В особенности с женщинами предбальзаковского, бальзаковского и, тем паче, постбальзаковского возраста. Женщина-глыба в серебристой шубе относилась к числу последних.

При помощи нескольких комплиментов и улыбки Олег сумел успокоить женщину-глыбу, как опытный дрессировщик успокаивает разъяренную тигрицу. Дама покатила свою забитую снедью тележку дальше, а Маша виновато уставилась на Олега. Опять он показал свое несомненное превосходство, свой шарм, свое колдовское искусство, а она... она, как водится, была плохо одетой зрительницей на галерке.

– Спасибо! – пробормотала Маша, не смея поднять глаз.

Еще сегодня утром, завтракая, она уверяла себя, что не любит Олега. Доказывала себе, что все давно прошло, что тот навсегда остался в прошлом. И не сомневалась в этом до вечера. До роковой встречи в супермаркете!

Конечно же, она все еще любила его, мучительно, постыдно и надрывно. Только вот он уже давно не любил ее, а сейчас был рядом со своей манекенщицей Алиной. Маша понимала, что проигрывает девице по всем статьям. Сколько той? От силы двадцать. Или даже девятнадцать. Значит, Маша почти на десять лет старше ее. Разумеется, Олег не мог быть вместе с такой «старухой». В свои тридцать шесть он выглядел лет на восемь моложе, уделял повышенное внимание собственной внешности, три раза в неделю посещал тренажерный зал, два раза в неделю бассейн и раз в неделю косметолога.

А кто такая Маша? Почти тридцатилетняя особа с ранними морщинками и безжизненно повисшими светлыми волосами, с далеко не идеальной фигурой и не самой блестящей должностью в не самом блестящем рекламном агентстве! Разве она могла сравниться с красавицей Алиной?

– Почему не звонишь? – спросил Олег, видимо, полагая, что спустя два с небольшим месяца после расставания они могут вести непринужденную светскую беседу. – У тебя все в порядке, Машутка?

От слова «Машутка» – нечто среднее между Машей и Мишуткой – у нее сладко заныло сердце. Неужели он не понимает, какую боль доставляет ей, делая вид, что ничего серьезного

между ними не произошло? У него-то, Маша не сомневалась, все в полном порядке: интересная престижная работа, полное отсутствие финансовых забот, шикарная квартира на двух уровнях, молодая любовница...

– Разумеется! – ответила бодро Маша и наконец подняла глаза на Олега.

– Гм, а выглядишь ты, Машутка, позволь заметить, не очень хорошо, – произнес тот. Галантный и подобострастный с теми, кто был для него важен, Олег мог быть жестоким и циничным с теми, кто зависел от него. Скорее всего, он даже не замечал, что его слова больно ранят Машу.

– Олежек, ну где же ты? – произнесла томно Алина, не соизволившая подойти к ним. – Помоги мне, у меня голова идет кругом от всех этих овощей! Что именно тут брокколи? И чем, собственно, плох супчик из пакета? Делается быстро, калорий минимум. Мне же надо следить за фигурой! Так, что нам требуется еще? Фенхель, ты сказал?

– Алина такая милая девочка! – заметил Олег с лукавой улыбкой. И Маша вздохнула. Ее саму он никогда не называл «милой девочкой», предпочитая «моя мышка» или «поросенок».

– Значит, у тебя все в порядке, Машутка? – спросил Олег пытливо еще раз.

Маша так сильно вцепилась в коляску, что костяшки пальцев побелели. Неужели он всегда был таким равнодушным и жестоким, а она просто не замечала – вернее, не хотела замечать?

– Да, да, в полном порядке, – произнесла она, приказав себе сдерживаться. Не хватало еще разреваться перед Олегом и его Алиной. И где – в супермаркете! – А что ты здесь делаешь? – спросила Маша, желая сменить тему.

Олег оживился, стал рассказывать о том, что, возвращаясь с фотосессии, звездой которой была Алина, они спонтанно решили приготовить что-то изысканное и полезное для здоровья. Вернее, он решил, поняла Маша. Олег обожал готовить, а еще больше обожал, когда его стряпню хвалили. Впрочем, готовить он умел великолепно.

– Олежек, ну помоги же мне! – произнесла капризно Алина, держа в руках два экзотически выглядевших овоща. – Что нам еще-то нужно? Эти, как их, цукини? Что, блин, за названия идиотские! И вообще, я устала ждать! Хочу домой!

Если бы Маша повела себя так, когда они были еще вместе, Олег бы просто развернулся и холодно заявил, что ей придется подождать. Сейчас же он извинился перед Машей и сказал, что ему пора.

– Так не забывай старых знакомых, звони! – произнес бывший жених на прощание. – Или ты все еще дуешься на меня за то, что я бросил тебя, Машутка?

Маша не нашла с ответом, чувствуя, что предательские слезы вот-вот покатятся по щекам. Придется врать, заявляя, будто у нее простуда. Или сенная лихорадка. Хотя какая сенная лихорадка в середине ноября? Ладно, тогда аллергия. Но ведь Олег в курсе, что у нее никогда не было аллергии... Соврет, что неожиданно развилась!

В этот момент в супермаркете раздался оглушительный хлопок, который отвлек внимание Олега, и Маша быстро смахнула с ресниц слезы. Наверняка кто-то врезался коляской в стеллаж и перевернул его. Или что-то в таком роде.

Вдруг по супермаркету разнесся пронзительный женский вопль, а затем последовал еще один хлопок. И только потом до Маши дошло, что никакой перевернутый стеллаж или рассыпавшиеся упаковки с продуктами не могли произвести подобный звук. Это был выстрел! Или все же нет?

Олег, по всей видимости, подумал то же самое, причем намного раньше, потому что чрезвычайно резво опустился на пол, прячась за стеллаж, и прошипел, обращаясь к Маше:

– Не стой, как каланча! Живо вниз, ко мне!

Маша, решив, что Олег шутит, хмыкнула:

– А не слишком ли у тебя бурная реакция?

Но тут последовал третий хлопок и еще один крик, на сей раз детский. Маша тотчас опустилась на пол. Так что же происходило в супермаркете?

Олег, вытащивший мобильный телефон, тыкал в него дрожащими пальцами.

– Алло, милиция? Говорит Олег Пушкин, главный редактор журнала «Диана и Аполлон». Здесь стреляют! Где здесь? В супермаркете. Немедленно высылайте своих людей! Да, адрес, конечно же...

Маша осторожно выглянула из-за стеллажа. Подружка Олега, Алина, как ни в чем не бывало стояла около овощного отдела и перебирала различные корнеплоды. Она что, не слышала выстрелы и крики? Или не придавала им значения?

Маша обернулась, чтобы сказать Олегу, что его подружка находится в опасности, но того уже и след простыл – ее бывший чуть не по-пластунски полз в противоположном выстрелам направлении.

Девушка пощелкала пальцами, желая привлечь внимание Алины, но та и ухом не повела. Маша, высунув голову из-за стеллажа, негромко позвала:

– Алина!

Но та не реагировала! Тогда, решившись, Маша выбежала из-за стеллажа и, пригибаясь, ринулась к Алине. Оказавшись около манекенщицы, дернула ее за полы модного пальтишка и прошипела:

– Алина, немедленно в укрытие!

Ничего не понимая, манекенщица в изумлении уставилась на Машу, которая тут же кинулась к ближайшему стеллажу, а затем громко произнесла:

– Что с вами? С ума сошли, что ли? Теперь понимаю, отчего Олежка вас бросил. И где, кстати, он сам?

– Вы что, не слышите, в супермаркете стреляют! – бросила ей Маша.

А Алина заявила:

– Стреляют? С чего вы взяли? А где правда Олежка? Если вы считаете, что подобным незамысловатым способом привлечете его внимание, то ошибаетесь. Он любит только меня! К вам же испытывает жалость, не более того. Да и вообще, как такая особа, как вы...

Всего в нескольких метрах прогремел новый выстрел, и Алина смолкла на полуслове. Маша, притаившаяся за овощным стеллажом, в ужасе замерла, заметив, как стоявшая невдалеке девица покачнулась, а затем стала оседать на пол. Первым порывом было броситься к ней, но спустя мгновение Алина приземлилась, и Маша увидела широко распахнутые глаза манекенщицы. Во лбу несчастной зияла небольшая дырка, из которой струилась кровь. Алина была мертва!

Маша, закусив ладонь, едва сдержала вопль. И тут до нее донеслись шаркающие шаги. Она в ужасе ждала появления того, кто стрелял. И тот появился – мужчина в форме, кажется, милицейской. Маша имела возможность рассмотреть его со спины: ежик темных волос, крепкая розовая шея, несколько оттопыренные маленькие уши. По всей видимости, человек еще молодой. В руке, свесившейся вдоль тела, тип в милицейской форме держал пистолет, Маша, не отрываясь, смотрела на страшное оружие. Мужчина ее не видел, но стоило ему повернуть голову, как он непременно заметил бы ее!

Однако голову он не повернул. Его движения походили на движения робота. Внезапно милиционер вздернул руку, и опять прогремел выстрел. До Маши донеслись чей-то стон, удар и звук падения чего-то массивного, а затем звон попадавших на пол и разбившихся стеклянных консервных банок. По всей видимости, пуля снова настигла какого-то покупателя (или покупательницу), и тот упал на стеллаж.

Мужчина, шаркая ногами, завернул за угол, и Маша непроизвольно взглянула на мертвую Алину. Вокруг ее головы натекла порядочная лужа крови. Маша отвела глаза и попыталась унять бившую ее дрожь. Ведь сколько раз в сердцах она желала разлучнице смерти! И вот

ее сокровенное желание осуществилось. Однако она отдала бы все на свете ради того, чтобы Алина осталась в живых.

Раздался новый выстрел. Маша на карачках поползла в противоположную сторону, к кассам, к выходу, желая как можно быстрее покинуть супермаркет, как можно быстрее вырваться из этого ада. В одном из проходов заметила знакомую фигуру – женщина-глыба в серебристой шубе неподвижно лежала около коляски, набитой продуктами, – и поползла дальше. Только не думать о плохом, не думать, не думать...

Наконец Маша оказалась около касс. Там никого не было. Девушка приподнялась с пола – и увидела молодую кассиршу, обмякшую в кресле. Ее голова была откинута назад, а из раны во лбу сочилась кровь.

Стараясь не смотреть на нее, Маша ринулась к дверям и убедилась, что они заблокированы! Кто-то, скорее всего, тот самый тип в милицейской форме, который шествовал по супермаркету и палил в людей, отключил реле. Маша попыталась раскрыть прозрачные двери руками, но ничего не получилось.

А из глубины супермаркета доносились новые выстрелы. Маша заметила фигуру в милицейской форме в одном из проходов и тотчас бухнулась на пол. Неужели убийца тоже заметил ее? Девушка почувствовала, что ее сердце неистово колотится.

Она поняла: раз нет возможности покинуть супермаркет, значит, надо найти укромное местечко и затаиться. Ведь Олег вызвал милицию! Сколько с того момента прошло времени? Казалось, что миновало не меньше получаса, однако в действительности едва ли больше пяти минут.

Двигаясь на карачках, девушка обогнула кассы – и почти наткнулась на Олега. Тот, с расширенными от ужаса глазами и трясущимися губами так не походил сейчас на уверенного в себе красавца, каким он предпочитал выглядеть в любой ситуации!

– Олег, он убил Алину, – прошептала Маша.

Бывший жених живо развернулся и зажал ее рот грязной и мокрой от пота рукой.

– Дура, заткнись! – выдохнул ей в ухо. – И вообще, пошла отсюда!

Он лягнул ее ногой в живот. Маша охнула, а ее бывший пополз куда-то в сторону. И тут Маша заметила белую дверь в стене. Вот куда Олег устремился! Она последовала за ним. А тот, обернувшись, прошипел:

– Я же сказал, пошла отсюда! – Затем подполз к двери и толкнул ее.

Безрезультатно. Дверь была заперта. Поблизости прогремел новый выстрел, и Олег метнулся куда-то за ящики. Маша обернулась – и увидела парнишку в просторных модных одеждах, который, странно извиваясь, стоял около стеллажа с чипсами. На голове подростка, украшенной бейсболкой, были наушники. Он даже не знал, что происходит в супермаркете!

Маша подползла к нему и изо всей силы дернула мальчишку за джинсы. Подросток удивленно посмотрел вниз и громко произнес:

– Вы что, прикалываетесь?

Девушка дернула его за штанину сильнее, и парень соизволил наконец снять наушники. До Маши долетели бурные ритмы и стрекот рэпера по-английски.

– Да че, блин, вы пристали? Или нас снимают? Скажите, тут скрытая камера или что-то в этом роде? – спросил подросток со смехом. А затем снова нацепил наушники и принялся выбирать себе чипсы.

И тут из-за стеллажа в их сторону шагнул человек в милицейской форме. Его грудь защищал бронежилет. Маша взглянула в лицо убийце. Мужчине, скорее всего, не было и тридцати. Красивое, хотя раскормленное лицо, стильная борода, капризно оттопыренная пухлая верхняя губа. В его внешности не было ничего примечательного, если бы не глаза – абсолютно черные, так что не видно ни белков, ни зрачков. Создавалось даже впечатление, что глаз у милиционера вообще нет, а только пустые глазницы.

Маша вжалась в стеллаж и, размахнувшись, стукнула кулаком по модным кроссовкам подростка.

– Тетя, вы же, совсем охренели? – воскликнул тот в раздражении. – Чего вы от меня хотите?

Маша указала пальцем на милиционера, правая рука которого, только что безвольно висевшая вдоль тела, вдруг пошла вверх. Подросток повернулся в указанном направлении и пробормотал:

– Что за фигня? Тут сериал про ментов, что ли, снимают? Круто! А я в кадр тоже попаду?

Маша нащупала под рукой что-то металлическое и круглое – это оказалась баночка с солеными орешками – и швырнула ее в милиционера. Жестянка угодила тому в пах. Однако милиционер совершенно не отреагировал на удар, а, наставив на подростка пистолет, спустил курок. Прогремел выстрел, и мальчишка рухнул на пол.

Убийца чуть повернул голову, и Маша поняла – он увидел ее. Его рука совершила плавное движение, и дуло пистолета уставилось прямо ей в лицо. Не желая умирать, девушка принялась лихорадочно сбрасывать со стеллажа жестянки с орехами и пакеты с чипсами и швырять их под ноги милиционеру.

Нога мужчины, облаченная в черный, чуть заляпанный грязью – и кровью! – ботинок, наступила на пакет с чипсами. Послышался мерзкий хруст. Убийца приблизился к Маше, а затем без промедления спустил курок.

Но вместо выстрела раздался только сухой щелчок. Милиционер снова спустил курок, но и в этот раз раздался щелчок. Маша поняла: в обойме закончились патроны! Ее сердце переполнилось небывалым, граничащим с безумием счастьем. Она никогда еще не была так счастлива, ни в день последнего выпускного экзамена в школе, ни в свою первую ночь с Олегом, ни тогда, когда он сказал, что в следующем году они поженятся!

Милиционер остановился. Затем его левая рука скользнула в карман брюк и, как в ужасе заметила Маша, извлекла новую обойму. Девушка поняла – сейчас бойня продолжится!

Она подскочила на ноги, наступила на жестянку с орешками, упала на пол, да так неловко, что толкнула локтем один из стеллажей. Маша судорожно обернулась – убийца как раз вставлял в пистолет новую обойму, перепрыгнула через обрушившийся стеллаж и неуклюже побежала куда-то в глубь магазина.

Завернув за угол, она увидела трясущегося мужчину с бородкой – тот, сидя на полу и прикрываясь коляской с продуктами, тупо воззрился на нее. Маша попыталась опуститься около него, но мужчина премерно пихнул ее в бок локтем и пропищал:

– Здесь мое убежище! Ищите себе свое!

– Но он сейчас застрелит меня! – в отчаянии воскликнула Маша, на что мужчина с бородкой заявил:

– Это исключительно ваши проблемы! Разбирайтесь с ментом самостоятельно!

Маша бросилась прочь. Ее внимание привлек прилавок с морепродуктами. Перепрыгнув ограждение, она завернула за прилавок – и заметила на полу дрожащую молоденькую продавщицу, а рядом с ней бледного, как мраморное изваяние, Олега.

– Прочь, прочь! – заверещал бывший жених. – Тут места только для двоих!

Маша брякнулась на пол прямо на ногу Олега. Тот тихонько взвыл, однако подвинулся, все-таки уступая место.

– Тут хватит места для десятерых, – буркнула девушка и осторожно выглянула из-за прилавка.

Милиционер-убийца шествовал по превратившемуся в театр военных действий супермаркету. На мгновение задержался около торца одного из стеллажей – послышался выстрел. Маша поняла, что преступник обнаружил мужчину с бородкой, вжалась в прилавок и принялась молиться.

Вообще-то она не была особенно религиозной, в церковь, по причине хронической нехватки времени, заглядывала редко, а если и заглядывала, то всего на несколько минут. Но сейчас подумала: если бог есть, то он не допустит, чтобы монстр в милицейской форме застрелил ее! Хотя он же допустил, чтобы погибла Алина, молоденькая кассирша, женщина-глыба в серебристой шубе, мужчина с бородой и подросток с наушниками... Имелись наверняка и другие жертвы – ведь выстрелов было больше!

Продавщица, находившаяся с другого края прилавка, тощая рыжеволосая девица, облаченная в темно-синюю униформу, вдруг начала судорожно всхлипывать. Причем всхлипывать очень громко.

Олег, всегда кичившийся тем, что у него манеры английского лорда, ударил соседку по убежищу кулаком в лицо и прошептал:

– Идиотка, закрой хлебало!

Однако продавщица зарыдала и заскулила еще сильнее. Маше стало крайне жаль эту, в сущности, девчонку, которая сломалась под тяжестью небывалой жизненной ситуации, и она попыталась успокоить ее. Но Олег принялся колотить девушку по лицу и плечам кулаками. Маша схватила его за руку, заявив гневно:

– Перестань!

И тут же досталось и ей самой – Олег, который, похоже, окончательно потерял голову, ударил ее кулаком в грудь. Маша задохнулась от боли, в глазах потемнело. Олег же тем временем со всей силы вытолкнул продавщицу из-под прилавка.

– Что ты делаешь? – только и сумела выдать из себя Маша.

Продавщица, пролетев по мраморному полу, приземлилась около перевернутого стеллажа. Маша видела, как глаза несчастной расширились, как девушка вытянула руки, пытаясь защититься от того, кто надвигался на нее.

– Нет, нет, прошу вас! – бормотала она. – У меня сыночку всего полтора года! У меня больная мамочка и младший братишка! Кроме меня, о них некому заботиться! Умоляю вас, делайте со мной все, что хотите, только не убива...

Последовал выстрел. Голова продавщицы ударилась о стеллаж, а затем опустилась на грудь. Маша отвела взор, понимая, что девушка мертва. Еще одна жертва обезумевшего милиционера!

А затем раздались знакомые шаркающие шаги. Маша прижалась плечом к Олегу, который оцепенел от ужаса. Перед ними возник милиционер. Его бледное лицо было забрызгано кровью, в бездонных, словно заполненных ночной тьмой глазах не мелькнуло и тени жалости... Рука медленно пошла вверх.

– Вы не имеете права убивать меня! – запричитал Олег. – Я главный редактор чрезвычайно влиятельного гламурного журнала! Возьмите меня в заложники! За меня вам дадут кучу денег! Миллион! Пять миллионов! Десять миллионов! В долларах или евро!

Слова не произвели на милиционера ни малейшего впечатления. Казалось, он вообще не реагировал на обращенные к нему мольбы, просьбы или предложения.

– Хорошо, давайте тогда договоримся как мужчина с женщиной! – продолжал Олег. – Вам так хочется кого-то убить? Тогда убейте ее!

И он, схватив Машу, как куклу, прижал к себе, используя ее как живой щит.

– Убейте ее, если вам так хочется! Поверьте мне, большой потери для человечества не будет. Она чрезвычайно нудная, готовить совершенно не умеет, не в состоянии поддержать примитивнейший светский разговор. Да и в постели ничего особенного!

Маша, извернувшись, со всей силы двинула Олега локтем в пах. Ее бывший, только что предлагавший милиционеру-монстру застрелить ее вместо себя, дико взвыл. Девушка вскочила, повернулась – и увидела на прилавке металлический ковшик, заполненный заморожен-

ными креветками. Схватив его, она швырнула морепродукты в лицо милиционеру, а затем вылетела из-за прилавка и юркнула в один из проходов.

Маша понимала, что убийца все равно настигнет ее. Однако она не намеревалась сдаваться без боя!

Внезапно в супермаркете погас свет, а со стороны входа донесся шум. Несколько мгновений спустя свет вспыхнул снова. Испытывая чувство небывалой радости, Маша заметила людей в касках и бронежилетах и с автоматами наперевес. Милиция, ОМОН, группа захвата «Альфа» – какая разница, кто ворвался в супермаркет! Важно, что все закончилось!

– Стоять! Не двигаться! Осторожно положить оружие на пол и поднять руки! Ну, давай же, выполняй, что тебе приказано!

Раздался выстрел, а вслед за тем прогремела автоматная очередь. Через пару секунд Маша услышала мужской голос:

– Первый, это Девятый. Объект оказал сопротивление и был ликвидирован. Продолжаем зачистку территории.

Около Маши возник молодой мужчина в шлеме и бронежилете. Спецназовец помог ей подняться и спросил, как она себя чувствует.

– Я в порядке, – ответила Маша, еще не веря, что все закончилось. – Но здесь столько жертв! Возможно, кто-то из них еще жив и нуждается в медицинской помощи. Вон там лежит мужчина, а там – женщина. Я справлюсь сама, спасибо!

Маша глубоко вздохнула и посмотрела на часы. Не может того быть! От первого выстрела до настоящего момента прошло неполных пятнадцать минут. Она же была уверена, что миновал час или даже полтора.

Спрятавшиеся среди стеллажей покупатели осторожно покидали свои убежища. Маша вывернула из-за угла и бросила взгляд на милиционера, который недвижимо лежал на спине. Пистолет валялся в нескольких метрах от тела.

Один из группы захвата выводил из-за прилавка с морепродуктами трясущегося и перепуганного Олега. Завидев Машу, он бросился к ней и с рыданиями повис у нее на груди. Первым желанием девушки было отвесить своему бывшему пощечину – ведь не далее как пару минут назад тот предлагал монстру в милицейской форме застрелить ее вместо себя, любимого! А теперь рыдает на ее плече, как детсадовец...

Маша, отстранив Олега, едко произнесла:

– Значит, я чрезвычайно нудная? И совершенно не умею готовить? Да и в постели ничего особенного?

Олег, подняв заплаканное, но по-прежнему чрезвычайно привлекательное лицо, прогундосил:

– Машутка, милая моя, я находился под воздействием стресса! И сам не знал, что говорил! Мне требовалось отвлечь его внимание! И сбить его с толку! Ты разве не понимаешь, что своими словами я спас тебе жизнь?

Маша действительно не понимала этого, однако сочла, что бросать впавшего в истерику Олега в такой ситуации бесчеловечно. Девушка вспомнила о том, что он только что потерял свою подругу, манекенщицу Алину. А ведь окажись Алина на ее месте, без зазрения совести подставил бы и ее под выстрел маньяка с пистолетом!

Вздыхнув, Маша погладила Олега по шелковистым темным волосам и не без удовольствия отметила, что на макушке у него проклевывается лысинка. Неизвестно почему, но она произнесла это вслух.

– Что, лысина? Не может быть! – встрепенулся Олег, в голосе которого сквозило неподдельное волнение. – Где? Ведь в начале недели все было в полном порядке!

Только что рыдавший вздохнул, он уже потерял всяческий интерес к бойне в супермаркете и принялся пальпировать свою макушку.

– Господи, в самом деле! Я лысею! Но почему? Я ведь так тщательно ухаживаю за своими волосами...

Один из бойцов группы захвата попросил их покинуть здание, сказав, что снаружи потерпевших ожидает команда медиков. Однако Олег не слышал его, а продолжал убиваться по поводу проклюнувшейся лысины.

– Но ведь говорят, если до тридцати пяти не начал лысеть, то, значит, проблем с шевелюрой уже точно не будет! – бормотал он с неподдельным ужасом. – А мне тридцать шесть!

Маша взяла своего бывшего под руку, намереваясь транспортировать Олега к выходу, и в тот момент краем глаза увидела, как рука лежавшего на полу убийцы дернулась.

Девушка вскрикнула и бросилась к стоявшему к ней спиной бойцу группы захвата, а когда тот обернулся, чтобы узнать, в чем дело, Маша увидела, что милиционер уже сидит на полу. И держит в руках пистолет. А глаза – черные, пустые – смотрят прямо на нее.

– Бросить оружие! – крикнул боец, а когда рука милиционера пошла вверх, выстрелил в него из автомата.

Тело милиционера внезапно затряслось, и, вопреки всем физическим законам, мужчина одним прыжком поднялся на ноги. Олег, стоявший поодаль, завопил что было мочи. Милиционер повернулся к нему – и вдруг из его рта ударил настоящий фонтан темной, почти черной крови.

Машу отгеснили бойцы группы захвата, слышались выстрелы. Милиционер пошатнулся и рухнул на пол.

Девушка оцепенело взидала на убийцу. Один из бойцов пытался нащупать у того пульс. Рядом завывал Олег – его лицо и грудь были залиты черной кровью монстра.

– Его вырвало... кровью... прямо на меня... Уберите с меня это! Я не могу... Где же врач? Я требую врача! Мне нужна помощь!

Маша приблизилась к милиционеру. Непонятное чувство непреодолимо тянуло ее к убийце. Глаза его были широко раскрыты.

– Теперь гад стопроцентно мертв, пульс не прощупывается, – заявил боец группы захвата. – Медиков сюда! Пусть займутся этим, – он указал в сторону зашедшегося в истерике Олега, – и официально подтвердят смерть этого, – омовенец пнул ногой милиционера.

Маша все не могла оторвать взора от глаз убийцы. Отчего тот принял ужасное решение и открыл стрельбу в супермаркете? Сколько человек лишил жизни? Что стало причиной кровавой бойни?

Вдруг черные глаза милиционера сделались голубыми, буквально всего за одну секунду. Маша присмотрелась – так и есть, глаза вполне обыкновенного человека. Но ведь мгновение назад вместо них были пустые глазницы черепа!

– Вы видели? – произнесла девушка. И поняла, что никто, кроме нее, не заметил произошедшего изменения. Неужели ей показалось? Но нет же, она не сомневалась, что глаза милиционера из совершенно черных вдруг стали голубыми. Может быть, такова нормальная реакция умирающего организма?

– Кто-нибудь знает этого типа? – крикнул потерявший терпение боец группы захвата, пытавшийся утихомирить Олега.

Маша подошла к своему бывшему и сказала:

– Он мой... мой муж.

– Так займитесь тогда своим мужем! А то он ведет себя хуже базарной бабы!

Маша бережно взяла под руку и повела к выходу Олега, который непрерывно вскрикивал:

– Уберите с меня кровь! Я хочу смыть ее! Она попала мне в глаза!

Маша, поддерживая Олега, вышла на свежий воздух. Засверкали фотовспышки – успели понаехать журналисты. Их оттесняли милиционеры. К Маше заспешила женщина в белом халате.

– Со мной все в порядке, а вот моему... моему мужу требуется помощь, – сказала она, сдавая Олега на руки медичке.

Та повела Олега к карете «Скорой помощи», и Маша медленно последовала за ними. И только тогда заметила, что пошел мелкий снег.

Санкт-Петербург (Россия) 17 ноября

Двери на фотоэлементах бесшумно распахнулись, и присутствующие – шесть мужчин и одна женщина – устремили свои взгляды на вошедшего. Это был мужчина лет сорока с небольшим, подтянутый, молодцеватый, с коротким ежиком огненно-рыжих волос. На нем были темно-синие джинсы и клетчатый серый пиджак, надетый поверх майки с изображением большого красного сердца, пронзенного лазоревой стрелой. Абсолютно немыслимый наряд для бизнесмена! Собравшиеся же мужчины были облачены в дорогие деловые костюмы, а единственная женщина – в белый халат.

Впрочем, тот, кто появился с пятиминутным опозданием, мог позволить себе одеваться с нарочитой небрежностью. Он был мультимиллионером и владельцем фармацевтического концерна, на который и работали присутствующие.

В помещении не было окон, оно находилось на подземном уровне, и доступ к нему имели только избранные. Мало кто из работников фармацевтического гиганта «Авиценна», головной офис которого располагался в Санкт-Петербурге, был вообще в курсе о наличии подземного уровня. И еще меньше людей знали о наличии подземного уровня под лабораториями концерна, расположенными в Пушкине. Те, кто работал там, хранили молчание обо всем, чему становились свидетелями.

– Добрый вечер! – произнес вошедший и обвел собравшихся цепким взором. Взгляд на мгновение задержался на женщине в белом халате. – Прошу прощения за опоздание! Как вы знаете, я не терплю ненужной потери времени, однако, являясь боссом, могу позволить себе быть непунктуальным.

Собравшиеся подобострастно рассмеялись. Конечно, рыжеволосый тип в джинсах и далеко не самом новом пиджаке, в майке, более подходящей для тинейджера, чем для мультимиллионера и владельца одного из самых крупных фармацевтических предприятий России, которого звали Кирилл Анатольевич Звягинцев, был большим оригиналом. Он коллекционировал русский авангард, когда-то сам пытался стать художником, учился на биолога, а в итоге превратился в олигарха. Впрочем, это слово он ужасно не любил, постоянно подчеркивая, что все, чем обладает, создал собственными руками и благодаря своему уму, а не близостью к власти. Звягинцев упирал на то, что он не качал из недр Сибири нефть или газ, не продавал на Запад алмазы, золото или древесину, не был владельцем контрольного пакета акций алюминиевого или сталелитейного гиганта. И любил подчеркивать, что борется с невидимым врагом, под которым подразумевал бактерии, вирусы и микробы. Владелец концерна не имел медицинского образования, но тем не менее считался фармацевтическим королем России.

– Итак, мы собрались здесь, чтобы выслушать чрезвычайно интересный доклад руководителя исследовательского штаба, кандидата биологических наук Ольги Иннокентьевны Старко. Я уже знаком с его содержанием, однако мне хочется узнать ваше мнение, господа!

Ольга – именно она была женщиной в белом халате – поднялась из своего кресла и подошла к большому белому экрану, который с легким жужжанием опустился с потолка. Свет в конференц-зале погас, зато вспыхнул луч проектора.

На экране возникло схематическое изображение чего-то, напоминавшего затейливое архитектурное строение.

– Господа, перед вами сделанная при помощи электронного микроскопа фотография вируса так называемого воробьиного гриппа, – произнесла Ольга, взяв со стола указку и ткнув в экран. – Несмотря на то что Всемирная организация здравоохранения в начале месяца приняла решение объявить всемирную пандемию, мы с вами в курсе, что в реальности количество

инфицированных за последние четыре недели резко сократилось. Число смертельных случаев по всем миру составляет на данный момент порядка семисот двадцати человек. Однако действительная ситуация с воробьиным гриппом далека от тех ужасов и той истерии, которые нагнетают СМИ, в особенности бульварные. За это отдельное спасибо вам, Сергей Антонович!

Послышались смешки – Сергей Антонович, один из собравшихся, был ответственен за мощную пиар-кампанию в средствах массовой информации и Интернете.

– Вирус воробьиного гриппа представляет собой модифицированный вирус, возникший на основе так называемого птичьего и свиного гриппа и впервые зарегистрированный в северных провинциях Китая, где первичными переносчиками вируса являлись пернатые, в частности, воробьи... – продолжила Ольга. В течение нескольких минут она повторила общеизвестные факты, а затем перешла к основной проблематике. – Как на Западе, так и в азиатских странах и в Восточной Европе, в частности, у нас в России, были зарегистрированы многочисленные случаи инфицирования воробьиным гриппом. В Китае, Вьетнаме и, по имеющейся в нашем распоряжении информации, в Северной Корее были организованы кампании по уничтожению воробьев, что только подхлестнуло истерию.

На экране возникли фотографии гор мертвых птиц, около которых стояли бедно одетые люди с марлевыми повязками на лицах.

– Апогея паника достигла в конце прошлого года, когда от воробьиного гриппа скончался известный британский панк-рокер Дэнни Глик...

Появилось изображение Дэнни Глика – еще молодого, но уже чрезвычайно потрепанного субъекта в полосатом мятом костюме и идиотской зеленой шляпе с розовым павлиньим пером.

– Напомню, что Дэнни Глик обязан своей популярностью не столько собственной музыке, вообще-то весьма бездарной, сколько своему скандальному образу жизни. В частности, в одной рок-композиции он обозвал королеву Великобритании Елизавету Виндзор «старой перечницей», в нецензурной форме потребовал от нее немедленного отречения от престола в пользу внука Уильяма и предложил ее величеству отправиться в дом престарелых. Помимо многочисленных дебошей, разнузданных вечеринок и выступлений на сцене в полуголом, голом, полупьяном и совершенно пьяном виде, Дэнни Глик известен тем, что некоторое время назад в течение двух лет был любовником топ-модели Кейт Мосс... – на экране возник портрет гламурной парочки, – которую, по неподтвержденным слухам, пристрастил к кокаину.

И снова фотография – Дэнни Глик лихо втягивает в ноздрю порошок с пятидесятифунтового банкнота.

– Однако в действительности смерть Дэнни Глика наступила не от последствий воробьиного гриппа, а в результате передозировки наркотиков. Воробьиный грипп играл в этой связи лишь второстепенную роль – организм панк-рокера был ослаблен. Однако убил его не вирус, а лошадиная доза синтетического наркотика метамфетамина, так называемого «льда», который он принял незадолго до оргии с участием трех лондонских проституток.

Очередная фотография: номер в шикарном отеле, более походивший на свинарник, и дебилно улыбающийся Дэнни Глик без штанов, со впалой, отчасти волосатой, курной грудкой, возлежащий на огромной кровати в обнимку с двумя обнаженными девицами, азиаткой и негритянкой. Снимок был сделан за пару часов до того, как Дэнни отдал концы в туалетной комнате гостиничного номера.

– Все три дамочки заразились от мистера Глика воробьиным гриппом, который был обнаружен в организме певца во время вскрытия, однако выздоровели, – добавила Ольга. – Но в головах обывателей осела информация о том, что он умер именно от воробьиного гриппа. Что тем самым только усилило панику и подхлестнуло истерию. Это привело к тому, что фармацевтические концерны по всему миру стали спешно разрабатывать и производить вакцину против воробьиного гриппа. В том числе и наш концерн. Однако еще во время разработки стало ясно, что вирус не так страшен, как принято полагать. Данный факт не ускользнул от

внимания правительств, которые и являлись главными заказчиками вакцины, вследствие чего большая часть уже произведенной вакцины является невостребованной. Только наш концерн понес убытки в размере порядка двухсот семнадцати миллионов долларов...

Собравшиеся закивали головами – эта цифра была им отлично известна.

– Что же можно предпринять в подобном случае? – задала риторический вопрос Ольга. – Интерес во всем мире к воробыному гриппу падает, пандемия, которой, собственно, и не было, резко пошла на спад. Российское правительство отменило свой заказ, однако остановить производство вакцины уже невозможно. А значит, наши убытки вскоре увеличатся. Многомиллионные убытки, которые нам никто не компенсирует. Частично потери можно сократить за счет поставок вакцины в страны третьего мира, однако это капля в море.

Слово взял сам владелец фармацевтического гиганта, Кирилл Анатольевич Звягинцев. Он поднялся, подошел к экрану и сказал:

– Поэтому, дамы и господа, мы должны искать нестандартные решения. Как убедить общественность и правительство в том, что вакцину, произведенную нашим концерном, надо обязательно покупать? – Он обвел взглядом собравшихся и сам же ответил: – Нам нужен новый вирус! Нам нужна новая пандемия! Нам нужна новая чудо-вакцина! Именно в данном направлении и работает лаборатория, руководителем которой является госпожа Старко. С моего ведома и одобрения, разумеется! Собственно, идея – изящная и простая, как и все гениальное, – принадлежит именно ей. Ну что же, поведайте нам об этом сами, Ольга Иннокентьевна!

Картинка на экране сменилась – появилось изображение нового вируса. Ольга Старко вновь заговорила:

– Как заметил уважаемый Кирилл Анатольевич, нами было принято решение разработать новый, искусственный вирус. Вернее, конечно же, речь шла о модификации уже созданного природой вируса воробыного гриппа. Наши старания увенчались успехом: нам удалось создать вирус на базе уже существующего, который, однако, отличается рядом параметров. По сравнению с вирусом воробыного гриппа он гораздо более агрессивный. Так, с момента заражения до появления первых симптомов болезни зачастую проходит всего несколько часов. И, что немаловажно, в случае отсутствия надлежащего лечения данный вирус приводит к летальному исходу примерно в двадцати трех процентах случаев. Воробыный же грипп был опасен всего лишь в пяти-шести процентах случаев...

Ольга перешла на научный язык, сообщив подробности, интересные специалистам. А под конец добавила:

– Самым же важным является наличие у нас уже разработанной вакцины против модифицированного гриппа. Если предположить, что вирус вырвется из нашей лаборатории и начнется эпидемия, то всем прочим концернам потребуется около полугода для разработки эффективной вакцины. Мы же сможем произвести и поставить ее на рынок в течение двух недель. Это значит...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.